

Коллекция Современной Прозы

Александр ДАВ

Фига из будущего

Коллекция современной прозы

Александр Дударенко

Фига из будущего

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Дударенко А. В.

Фига из будущего / А. В. Дударенко — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2018 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907042-81-0

Из жизни симпатичного авантюриста-махинатора эпохи перемен 90-х годов XX века. Опьянение свободой, малиновые пиджаки, маги и предсказатели, финансовые пирамиды, рэкетеры и комбинаторы. Всё это в новом сатирическом романе «Фига из будущего».

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907042-81-0

© Дударенко А. В., 2018
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2018

Содержание

Фига из будущего, или Медь золотого дождя	7
Пролог	8
Часть I	10
Глава I	10
Глава II	17
Глава III	23
Глава IV	28
Глава V	33
Глава VI	42
Глава VII	54
Глава VIII	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Дударенко

Фига из будущего

Составитель серии: Юлия Ковалевская

Александр ДАВ (Дударенко Александр Владимирович) – писатель, публицист, сценарист, общественный деятель. Глава Общества объединяющего потомков известнейших представителей дореволюционных династий купцов, промышленников, меценатов, проживающих

в России и за рубежом. Родился в Крыму в 1961 году. Его предки представители Крымского дворянского рода Волошиных. В настоящее время автор живёт и работает в Москве.

Сборники рассказов, повести, романы, поэмы автора нашли своего читателя, как в современной России, так и за её пределами. Правдивость повествования, тонкий юмор и не злая сатира придают своеобразный колорит всем произведениям писателя. Богатый жизненный опыт позволяет представить на суд читателям разнообразные жизненные ситуации от первого лица. Точность в деталях, знание материала не понаслышке, лично пережитые моменты из жизни дают возможность автору реалистично описать цепь событий. Армейские рассказы, построены на воспоминаниях из долгой армейской службы Александра, как кадрового офицера. Повести и романы о 90-х годах – это воспоминания о становлении автора в роли бизнесмена, общественного деятеля, политика. Поэмы автора – экскурс в историю новейшей России. Живой язык. Точная рифма. И юмор... юмор... юмор...

За последние годы вышли в свет сборники рассказов: «КПБВ и другое», «Дураки на бездорожье». Роман «Эффект Бандерлогов», аудиокниги поэмы: «Нас рать!», «Мычание ягнят», «Баш на баш». Готовится к изданию сборник детских стихов «Литландия».

Женат имеет двух взрослых дочерей.

Фига из будущего, или Медь золотого дождя

Фига, или Фиговое дерево, или Смоковница обыкновенная, или Смoквa, или Винная ягода (лат. *Ficus carica*) – субтропическое листопадное растение рода Фигус семейства Тутовые. А ещё – просто кукиш, или дуля.

Роман с прологом и эпилогом

Рекомендовано для представителей всех возрастов, конфессий и ориентаций. Независимо, сколько вам лет.

Уже «за» или ещё «не», а может быть даже «Ого-го!» или «только-только». Почти уверен, роман не оставит вас равнодушно-холодными. Откройте. Начните читать. Пробегитесь по строкам. Улыбнитесь.

При чтении приветствуются кофе, чай, пиво, водка, коньяк, самогон, бутерброды, чипсы, диван. Ночью – кровать с вечерней лампой. Читается легко в метро, в самолёте, в поезде на верхней и нижней полке (даже на боковухе у туалета), в парке, в переполненном трамвае и даже сидя в мягком кресле в тёплом домашнем халате и мягких тапочках, под мурлыканье наглого и ленивого кота на подоконнике.

Пролог

– Нет, дорогой мой, так в жизни не бывает... Вот ты посмотри, что мне тут пишут: «Её прекрасные руки сжимали рулевое колесо троллейбуса, а в душе пели райские птицы, заставляя сердце трепетать в груди. Весь мир вокруг был наполнен благоуханием и дурманом того прекрасного чувства, которое заставляет нас не спать ночами, делать глупости, бросаться в омут счастья объятий и любить, любить, любить!» Чушь! Я смеюсь и плачу! Бред! Вот ты, рядовой читатель, допустим, ты сам в это веришь? Вот в это, где женщина, уже не первой молодости, водитель троллейбуса, в конце смены в Москве, на заставленных машинами, занесённых снегом улицах, прекрасными руками сжимала бы руль и наслаждалась своим любовным чувством к автомеханику Лёхе? Хотя ранее в этом же тексте написано, что он избил её во время совместной пьянки! Чушь! Вот скажи мне, они что, надеются на понимание и любовь читателя? А я должен это издавать! Бред!

– Вы просили писать правду?

– Конечно! Или ничего, или её, матушку.

– Хорошо. То, что у вас на столе... Я имею в виду все эти рукописи...

– Да какие к чёрту рукописи! Набранный на компьютере текст, абсолютно безграмотный и бездарный! И они хотят удивить мир! И непременно заработать! На чём? На ерунде? Нет! На заскорузлой, заостенелой банальной чепухе, которую даже глупые домохозяйки выкинут... Да нет! Они её просто не купят.

– А у меня, кстати, есть то, что вам подойдёт... Только потом не кричите. И не говорите: «Я предупреждал!»

Я напишу... Точнее, уже написал. Так, некоторые штрихи остались. Только, знаете... правду писали многие, поэтому всем всегда она что-то напоминает.

– Что?

– Жизнь... А мне говорят – плагиат. А я писал, как есть... писал...

– Ну и прекрасно. Пусть говорят. Главное, читали бы! А говорят – значит, читают...

Диалог этот проходил в кабинете издателя, между самим издателем и автором. Издатель перебрал ворох предложений. Повести, романы, эссе и прочая ерунда, предложенные ему авторами, он браковал, нещадно критикуя.

– Они претендуют оставить жирный след в истории литературы! Они! Эти бездари и графоманы! Как вам? – возмущался взъерошенный издатель.

Его возмущение однозначно давало понять, что след в литературе явно не вырисовывался. Сальность присутствовала, это да, без сомнений... Но вот жирным след не получался... Издатель брал один из листков со стола и, грустно смеясь, зачитывал:

– ...или вот: «Прекрасное утро застало влюблённых, разметавшихся на широком ложе, ставшем свидетелем их греховной, но в то же время святой страсти...» И дальше: «Лёгкий завтрак для неё он принёс прямо в постель. Накинув на себя лишь простыню, Алексей походил на античного патриция, предлагающего своей возлюбленной насладиться утренней свежестью сока и мягкого вкуса круассана...» – Он в сердцах отбрасывал листок и, задыхаясь, негодовал:

– Боже! Откуда эта похабная ерунда! Дорогой мой!

Немного успокоившись и выпив воды прямо из горлышка бутылки, он, неинтеллигентно икнув, продолжал более спокойно:

– Во-первых – пахнет действительно пошлым плагиатом, а во-вторых... Этот гений в начале писал – живёт она, эта Галина, в коммуналке на пять семей! Тогда как её любимый Алексей в одной простыне мог приготовить ей завтрак? Патриций, мать его! Там же люди кругом. Да его бы прикончили ещё на кухне, где с утра пять задниц толкутся у одной плиты! И как они «разметались на широком ложе», если кроме старенького дивана в её комнате не было

ни одного спального места? А диван не раскладывался! Был сломан! Это же написано выше. А круассаны! В советское время? А соки? В лучшем случае бутерброд с докторской...

– Хотите хороший роман? – спокойно спросил автор, щурясь и не моргая глядя на издателя.

– Нет. Хочу правдивый, весёлый, без плебейских пошлых витиеватых фраз и заскоружлых штампов... Сможешь – значит, гений.

– Неделю дадите?

– Да пожалуйста. Но... по-моему, за такой срок трудно вообще что-то написать, а тем более хорошее...

– Понимаете... Роман у меня готов... Остались маленькие штришки... И я всё сомневаюсь, как бы вы не кричали: «Это уже писали! Плагиат!»

– Опять за своё? Ты это уже говорил...

– Не кипятитесь... Почему плагиат? Да потому, что так, как есть в жизни, писали тысячи лет миллионы писателей. Писателей больших, маленьких, талантливых, не очень талантливых... А тут я! Со своей правдой...

– Да наплюй ты на критиков и их возгласы о подражании или плагиате. Пиши правдиво! Если это возможно...

– Я вот думаю – возможно! – ответил автор. – Нет, я уверен – возможно написать! Ничего ведь не надо придумывать. Просто вспоминай и записывай! Смогу! Успею! Тем более основное уже написано...

– Хорошо. Встречаемся тут же в это же время ровно...

– Да, я понял. Не волнуйтесь.

И они расстались. Автор представил точно в срок написанное им. Оно сейчас перед вами. Не ругайте его, мой дорогой читатель. Не судите очень строго за кажущуюся простоту описанных событий и типичность характеров и поступков, ведь он писал чистую правду. А правда, как нам известно, всегда одна. Вы встретитесь с героями, кого-то очень напоминающими, будете увлечены событиями до радости знакомыми и столкнётесь с обстановкой весьма реальной и непридуманной.

Вот что получилось.

Часть I

На запах денег

Только глупцы говорят правду... Правда – красивая ложь либо со слезами на глазах, с подрагивающей нижней губой и непреклонным честным взглядом мученика, либо с придурковатой улыбкой восторженного идеалиста.

Автор

Глава I

Правда, и ничего кроме...

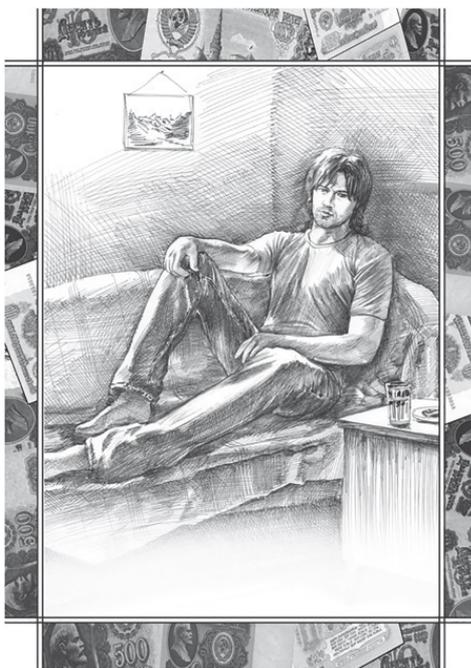
Все живущие на Земле люди делятся на четыре типажа. Так, по крайней мере, говорит наука. Флегматики, меланхолики, сангвиники и холерики. Более противные и скрупулёзные исследователи человеческих характеров утверждают, что ещё есть интроверты с экстравертами, но они не выбиваются из списка, приведённого выше в классификации. А всякие атлетики, астеники и пикники – так просто различаются по величине брюха и толщине зада. Если наука действительно не врёт, то как-то выглядит всё это очень просто и примитивно. Из семи миллиардов населения – примерно по миллиарду восемьсот тысяч одинаковых личностей! Скучно. Людское население куда как более разнообразно и разношерстно, если, конечно, это не обидно и можно так выражаться. В каждом индивидууме есть что-то своё, неповторимое. Свои прелести. Свои гадости. Свои недостатки. Свои достоинства. Свои предрассудки. Ходят они со своими особенностями, и одни не верят в свою исключительность, другие – убеждены в ней, а все вместе – создают большие неприятности планете и всем остальным её обитателям. Уже придумали люди ездить без лошадок, летать без ветра, плавать не замочив ног, говорить через океан без громкоговорителя, смотреть театральное представление или футбол не вставая с дивана, врать не краснея, воровать не задумываясь, варить самогон не попавшись полиции... И много ещё чего всякого полезного и пригождающегося в жизни. Пригождающегося им, людям, и никому более из обитателей планеты. Животных, которые не вымерли или не отстреляны, потеснили. Недра разворошили. Реки запрудили. Океан загадили. За космос принялись. Вроде всё есть. А всё чего-то ищут...

Есть, конечно, занятия и более прозаичные и малоинтересные, чем футбол, космос и самогоноварение. К таким занятиям смело можно отнести хождение на работу, изучение периодической таблицы Менделеева, глажку брюк, помывку посуды, вырывание волос из носа и рассказ жене, где ты был вчера вечером.

Но, что самое интересное, при таком количестве похожих друг на друга индивидуумов всем на Земле есть чем заняться. Кто-то строит. Кто-то носит. Кто-то варит. Кто-то воюет. Кто-то сидит. Кто-то его охраняет. А кто-то жалуется на отсутствие работы. И у всех одно объединяющее занятие – они делают деньги. Делят с того момента, как только их придумали. Причём имеют больше денег не всегда те, кто больше работает. А точнее, очень часто наоборот. Так, по крайней мере, думают те, у кого денег очень мало или нет вообще. Та часть населения, у кого их много, уверена, что они как раз-то и пашут... как кони. А бедные граждане планеты, по мнению богатых, не кто иные, как бездари, лентяи и пьяницы. Отсутствие понимания между одними и другими периодически приводит мир к революциям, войнам, грабежам, воровству, предательству, измене... и ещё к чёрт-те чему. И всё ради них. Ради заветных, иногда с водяными знаками, иногда металлическими, иногда зелёными, но чаще – виртуальными. Ради денег. Мир

крутится круглосуточно в размышлениях и планах, где добыть и как сохранить уже добытые эквиваленты своего труда, умения и таланта. Одним из семи миллиардов борющихся за деньги индивидуумов был и наш герой.

Ранним утром в городе Земске, едва забрезжил рассвет (как пишут в дамских романах), проснулся молодой, вполне упитанный, но не толстый, а даже наоборот – очень спортивного сложения, человек. Он принадлежал к той части населения, для кого наличие даже небольших денег было довольно нечастым и непродолжительным событием в жизни. Это утро не было исключением. Денег всё так же не было, точнее, они кончились, не успев принести своему владельцу удовлетворённость жизнью и полное душевное равновесие. Желудок, пока ещё здоровый, пел голодные песни, призывая своего хозяина бросить ему хоть какой-то кусок пищи. О вкусе и изысканности блюд речь не шла. Под пищей подразумевалось любое съедобное для желудка вещество. Фантазии молодого человека, подталкиваемые голодом, рисовали большие перспективы, строили планы, заставляя подняться с постели и приступить к поиску средств. Проснулся он не в своей постели, и даже не в своей квартире. Своей постели, как и квартиры, у него, естественно, не было. Прибыв накануне вечером, он остановился в комнате случайного попутчика – геолога, который за время совместного путешествия на жёстких полках плацкартного вагона проникся глубоким доверием к новому товарищу и дал ему ключи от своей коммунальной жилплощади в городе Земске. Разрешив «пожить сколько потребуется», геолог проводил дорожного друга до перрона города Земска, сойдя с вагона и шаркая драными комнатными тапками по заплёванному асфальту. Помахав на прощанье рукой и дыхнув поездным перегаром водки и лука при прощальном поцелуе, он поехал дальше раскрывать тайны недр расковырянной планеты, попросив, однако, ключ оставить под ковриком. Так наш герой стал временным обладателем девяти квадратных метров с одним диваном и тумбочкой, выполнявшей роль стола и шкафа одновременно. Комната была самой дальней в пятикомнатной коммунальной квартире, размещавшейся в бывшем купеческом доме города Земска. Молодой человек после лёгкого утреннего туалета, что называется, «на бегу» и завтрака, состоявшего из засохшего куска хлеба с тёплой водой из соседского чайника, втиснулся в повседневную одежду, которая, впрочем, была и парадной, и направился на улицу. В народ. В городе пели птицы, сохло бельё на верёвках, рождались и умирали люди и... проходила предвыборная кампания. Первая по новым правилам. Первая с тремя, а не одним, как ранее, кандидатами. Сегодня день был особенный. Нет, Землю посетили инопланетяне, рубль не стал конвертируемой валютой, и сборная России не выиграла чемпионат мира по футболу. Сегодня в Земске объявлен день молчания. Такие дни теперь объявлялись по случаю предстоящих выборов. Многие обыватели искренне недоумевали: почему перед выборами нужно молчать?

Так наш герой стал временным обладателем девяти квадратных метров.

Объяснения всем непонятным политическим событиям в городе Земске давал местный политический ас, бывший гардеробщик райкома коммунистической партии Егор Серафимович Серафимович. Нет, дорогой читатель, ошибки здесь нет. И опечатки тоже. Бывший хранитель пальто и шинелей ответственных и не очень, а иногда так просто безответственных работников райкома, по отчеству был действительно Серафимович, с ударением на третий слог, букву «и». А вот фамилия – Серафимович – имела ударение на четвёртом слоге, на букве «о». Получается – Егор Серафимович Серафимович. Он сидел в городском парке, у памятника Ленину, на скамейке, с неизменной газетой в руках, каждый день с десяти до двенадцати дня и с трёх до пяти вечера. Газета могла быть любой. От редкой и потрёпанной в годы перемен, но всё же кем-то выпускаемой «Правды» до цветного и аляповатого «Калейдоскопа». «Калейдоскопом» было бесплатное издание рекламных объявлений, которыми набивали не только почтовые ящики граждан, но и все свободные углы в подъездах. Изданий с рекламой выходило в девяностые годы уже так много, что дворник Ильшат топил ими свою буржуйку в холодные зимние дни и ночи. Ну, центральное отопление, ввиду перестройки, переделки и перестрелки конца восьмидесятых – начала девяностых, давало сбои. Котельные города Земска прохутились. Когда в стране перестройка, не до таких мелочей, как отопление или канализация. Для их содержания в исправном состоянии нужны всё те же пресловутые деньги. А денег хватило у нового мэра только лишь на красивые плакаты, призывающие «взять судьбу в свои руки». Над надписью – портрет серьёзного мужчины, в руках которого калькулятор, изображавший, видимо, судьбу. Нет, на плакаты ушли не все средства дырявого бюджета города. Часть денег пошла на ремонт бывшего здания райкома и автомобиль «Мерседес», на котором гордо разъезжала жена нового мэра, с водителем Толей. На этом бюджет города сдулся, впал в экономическую кому и не обещал скорого выздоровления. Люди жили без тепла, иногда без воды, но с плакатными призывами, под запахи прорвавшейся канализации, любуясь на новый «мерседес» главы города.

Водитель Толя был третий в городе человек – после жены мэра города и самого мэра. Поскольку город был мал и нищ, преступный элемент тоже был под стать всему остальному. Серьёзных авторитетов не было, а мелочь полностью находилась под мэром и начальником тогда ещё милиции.

Так вот. Сидел Егор Серафимович Серафимович под тенью обруганного в последние годы и обгаженного глупыми голубями вождя и невнимательно пробегал глазами по рекламным объявлениям «Калейдоскопа». Пестрота и разнообразие вызывали рябь в глазах, желание избавиться от перхоти, сходить к гадалке, посетить свободных от предрассудков девушек, купить щенков и устроиться на «работу без интима». Рекламные призывы также предлагали вывести из запоя, поклеить обои «еврометодом», сдать и снять комнату и многое другое. Назойливее всех был «Гербалайф». Многие слышали про него, но не представляли, что это.

Вокруг Егора Серафимовича Серафимовича стали собираться городские бездельники, которых с каждым днём перестройки, ускорения и перехода на новые рельсы экономики становилось всё больше. Вот и в этот день рядом с ним на скамейку присел гражданин, по виду обнищавший интеллигент. Он протёр нечистым носовым платком треснувшие стёкла очков. Посмотрел на них. Подышал на них. Вновь протёр и, убедившись, что на линзах пятен нет, спросил:

– А вот скажите мне, дорогой Егор Серафимович, зачем перед выборами день молчания?

Бывший сотрудник серьёзного партийного органа, как и подобает натуре выдержанной и степенной, посмотрел на вопрошавшего потасканного интеллигента пристально и проникновенно. Убедившись, что слушатель готов, ответил:

– Молчание – золото, – и многозначительно кивнул. – А вы как хотели? Вспомните – «Противник подслушивает!», висело же почти в каждом кабинете раньше. От...

Интеллигент, мало удовлетворённый таким своеобразным ответом, завёл разговор на эту тему с появившимся соседом справа. Вскоре к ним присоединились другие озабоченные политической ситуацией в городе накануне выборов граждане. Минут через пять у каменных ног Ильича шёл нешуточный диспут по поводу дальнейшего курса государства. Вскоре спорившие разделились на два лагеря и диспут перешёл в несанкционированную драку. Первым удар нанёс бывший руководитель профсоюза работников коммунального хозяйства. Выслушав убойные доводы уволенного недавно из института профессора о необходимости слома старой экономической модели, модернизации производства за счёт внедрения инноваций с привлечением иностранных инвестиций, он, крикнув, вlepил профессору в ухо со словами: «Словами буржуйскими давишь, гнида, а унитаза забыты!»

Очки профессора улетели в лужу, а сам профессор – в другую сторону скамейки. Потасовка завязалась не столь ожесточённая, сколь шумная и эмоциональная. Накал потасовки подошёл к высшей точке. В этот же момент к куче дискутирующих граждан приблизился наш герой. Он был абсолютно спокоен, сдержан и искрил при этом плакатной улыбкой на здоровом молодом лице. Его тревожило о дно-единственное желание – хорошо поесть. Молодой человек остановился около поднявшегося с колен и отряхивающего брюки профессора и мягким голосом спросил:

– И почём нынче наука побеждать?

– Что? – Профессор оглядел вопрошавшего и, не найдя его достойным для дискуссии, ответил: – Идите вы, молодой человек, к чертям собачьим, – и попытался приладить на нос остатки очков.

– Спасибо, что так, – грустно улыбнулся молодой человек и, переступив через руководителя профсоюзов работников коммунального хозяйства, пошёл в глубь аллеи.

Потасовка постепенно утихла. Спорщики расселись по разным лавкам и стали зализывать раны, полученные в борьбе за плюрализм мнений.

День молчания в городе Земске начался.

Молодой человек подошёл к аппарату газоды, оглянулся по сторонам, медленно достал из кармана монету на тонкой капроновой нитке и просунул в щель автомата. Автомат издал шипяще-харкающий звук и выдал порцию газировки в подставленный стакан. Вода была чуть желтоватого цвета, никак не соответствуя надписи на автомате: «Сироп вишнёвый». Выпив

залпом тепловатую газированную жидкость, молодой человек ловко извлёк монету обратно. Затем он сунул руки в карманы брюк и направился через дорогу к близлежащему магазину.

Магазин, куда вела кривая судьбы нашего героя, преобразился за последние месяцы до неузнаваемости. В застойные годы паралича советской власти все магазины города, как, впрочем, и страны, представляли собой картину неизвестного художника «Утро холостяцкое». Не был в своё время исключением и этот. Тогда, кроме толстых продавщиц с ярко накрашенными губами и с золотыми перстнями на всех пальцах, в нём размещались пустые прилавки, полки, холодильные камеры и кассовый аппарат. На стене, накренившись под тяжестью стыда и усталости, как правило, висел деревянный стенд с гордым названием «Уголок покупателя». Слегка потрёпанные «Правила советской торговли» горделиво возвышались над сильно затёртой и пошарпанной «Книгой жалоб и предложений». Перед кончиной советской торговли жалобы переросли в одни предложения. Предлагалось: «Сдохнуть вам всем вместе с вашей перестройкой», «Попробовать жить на зарплату врача», «Выкусить...», «Идти на...», «Идти в...», «Постыдиться бы!», «Спросить Зинку из кондитерского, с кем она спит»... И многое другое, чем богата фантазия нашего народа, о повышении благосостояния которого пеклись все последние семьдесят четыре года кряду.

Накал потасовки подошёл к высшей точке. В этот же момент к куче дискутирующих граждан приблизился наш герой.

С началом приватизации и появлением частного предпринимательства магазины, словно по мановению волшебной палочки, обрели яркие товары, невиданные напитки, колбасы разных сортов, пиво и, что уж совсем невероятно, – туалетную бумагу в рулонах!

Полки заполнили сильно-, слабо- и среднеалкогольные напитки – от спирта «Рояль» польского розлива, водки «Распутин» с моргающим бородатым мужиком на этикетке до невиданных ранее «Мартини» и совсем уж сверхъестественного «Амаретто». Покупатели узнали, что колбаса может быть не только с названием «по два двадцать», но и с нежными именами. В Москве, конечно, этим сильно не удивишь. Там и в советские времена можно было застать финский сервелат «Саями», сырокопчёные колбасы «Московскую» и «Любительскую», сыр «Пошехонский» и даже «Голландский». Но вот в глубинке! Овощные отделы горделиво выставили напоказ бананы, апельсины, мандарины и уж совсем невиданные манго и кокосы. Яблоки

блестели восковыми боками. Виноград, клубника, малина и другие чисто летние фрукты откуда-то взялись и зимой. И старый анекдот о том, как на вопрос советского гражданина иностранцу: «Когда у вас в магазинах появляется клубника?» тот отвечал: «Около восьми утра», перестал удивлять российских граждан. Покупатель обрёл возможность покупать не то, что завезли, или, как говорили, «выбросили» на прилавок, а то, что нужно ему в данное время. Уже не встретишь отца семейства, возвращающегося из Москвы с сумками, набитыми всевозможным съестным, и обвязанного, словно пулемётными лентами, бусами из рулонов туалетной бумаги. Уже перестали занимать очередь, а лишь затем спрашивать: «Что дают?» Но пока ещё не перестали удивляться новым товарам и часто брали их на пробу. Большое разочарование вызвал диковинный фрукт или овощ под завораживающим названием авокадо. Вид обычный, но вкус – мыло мылом. Не оправдал ожидания и восплаивший воображение своим непонятным названием странный плод фейхоа, и многое другое, что стало доступным и оттого менее желанным. Народ опять всё больше склонялся к проверенным временем картофелю, свекле и капусте. Рынок расставлял всё по местам. Продавцы овощных отделов спустились по лестнице иерархии человеческого общества в самый низ, товароведы даже отделов обуви и ковров – сравнялись по статусу с обычными инженерами, а директора магазинов из небожителей стали обычными гражданами, отбивающимися от многочисленных проверок и поумневших покупателей. Капитализм вырос и набирал силу.

Молодой человек зашёл в магазин и принялся набивать тележку продуктами питания. Денег, естественно, у него было меньше, чем у дервиша в самые голодные дни. Уверенный вид, спокойная поступь и взгляд невинного младенца не вызывали у продавцов магазина сомнений в его платёжеспособности. Сомнение возникло вскоре. Возле кассы. Молодой человек долго рылся в немногочисленных карманах своего облачения. Дёргал бровями. Удивлённо хмыкал. Качал головой. Очередь, собравшаяся позади него, стала немного волноваться. Кассирша нервно постукивала ключом от кассового бокса по аппарату. Но пока все молчали. Вид молодого человека – извиняющийся и покорный – не побуждал к агрессии. Наконец, убедившись, что денег нет, рассеянный покупатель сбивчиво произнёс:

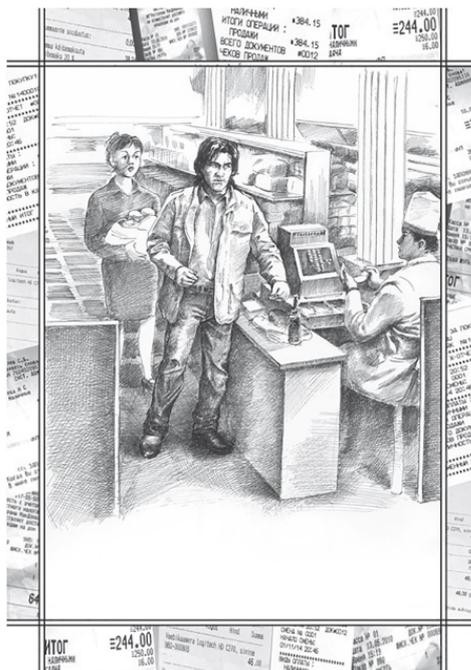
- Видите ли... тут, как бы это... право, как неловко... Я, видимо, того...
- Что? – улыбаясь, спросила кассирша.
- Деньги... дома, наверное... а может, потерял? Трудно сказать.

Очередь человек из семи загудела. Кассирша недовольно передёрнула плечиками, но ответила вполне тактично:

- Внимательнее надо быть, дорогой мой. Я ведь уже всё пробил. Теперь как? – И куда-то в сторону громогласно гаркнула:
- Катя! Катя!

Неизвестная Катя долго не откликнулась, чем вызвала негативную реакцию подогретой публики. Пока покупатели вспоминали про культуру обслуживания, старорежимные совдеповские замашки и про «Сталина на вас нет!», к кассе подплыла дородная молодая Катя. Её мягкая походка, добрый телячий взгляд и привлекательная полнота, украшенная тугими округлыми формами, возымели положительное, успокаивающее действие на мужскую часть очереди. Женская часть зашипела, но не стала лезть на рожон.

- Что случилось? – ангельским голоском спросила полнотелая блондинка Катя.

Вид молодого человека – извиняющийся и покорный – не побуждал к агрессии.

– Вот. Товарищ... Простите... господин. Забыл бумажник дома.

Господин виновато развёл руками и покорно склонил голову набок.

Катя оценивающим взглядом окинула кроткого на вид, но очень статного и великолепно сложенного покупателя и, ни секунды не сомневаясь, ответила:

– Отменять покупку не будем. Долго. Очередь... А... покупатель... покупатель всегда прав! – И она с видом покорной ученицы посмотрела в глаза всех мужчин одновременно, чем вызвала одобрительные возгласы и даже лёгкое рукоплескание. – Я внесу деньги. А господин рассеянный, – при слове «рассеянный» она мягко и кокетливо улыбнулась, – принесёт мне долг. Так?

– Безусловно. Конечно, с большим удовольствием... Неловко получилось. – Он извинялся перед Катей, перед кассиршей, перед очередью и всем миром сразу.

На этом инцидент был исчерпан. Катя внесла деньги. Рассеянный покупатель забрал товар, а очередь улыбчиво и спокойно обсуждала добрый поступок представителя частного сектора торговли.

Глава II

Стрелы Амура

Создав человека по образу своему, Господь Бог пожелал, чтобы его непутёвое создание стало в результате долгой эволюции и терпеливого пути ещё и подобно ему, своему Создателю. Однако путь этот оказался тернист и ухабист. Человек никак не желал следовать намеченному сверху курсу. Ему подсказывали посылаемые творцом ангелы-хранители и спустившийся с небес сам Создатель в образе человека, как и что нужно делать для достижения задуманного. Нет! Не идёт правильным путём. Всё больше ударяясь в пьянство, прелюбодеяние, воровство, обман, стяжательство, предательство и ещё много чего подобного. Божье высшее создание упорно ползло к падению в пропасть греховную и недостойную. Взяв себе за оправдание идиому «пути Господни неисповедимы», объяснял ею все свои шаги, ссылаясь на неведение и глупость заблудшей овцы.

Господин рассеянный, он же Давид... Здесь важно: мягкое «и» после буквы «в», а не «ы», которое придаёт древнему и легендарному имени царей иудейских немного простоватый и местечковый оттенок. Именно не ДавЫд, а ДавИд Богданович Ром принадлежал к роду человеческому и обладал полным набором всех присущих тому вышеперечисленных пороков. Любил выпить, любил игру, любил женщин (преимущественно чужих), не помнил своих родителей, не имел в городе Земске, как, впрочем, и в близлежащих городах, постоянного места жительства и беззаветно любил денежные знаки разных стран. Коллекционировать их пока не научился, а все добытые купюры различного достоинства тут же тратил на красивую жизнь и удовольствия тела и ума, отдавая предпочтение первому. Ром – фамилия немного странная для средней полосы России – всегда была предметом гордости и интерпретации в объяснениях своего происхождения Давидом. Он, прикрывая большие тёмно-карие глаза, тихо повествовал провинциальным дурочкам, что Ром – фамилия древнеримская. Что в римской мифологии Ромом звали сына Энея или Одиссея и Кирки, брата Анкия и Ардея. Что Ром – сын богини Ромы. И что сей факт, без всякого сомнения, может объяснить название города Рима. Однако на самом деле ромами в малороссийских степях называли многочисленные цыганские кочевые народы. Но признавать корни древнего свободолюбивого кочевого племени в своём происхождении Давид Богданович Ром не желал. И не из-за нелюбви к этому народу, а из-за отсутствия данных о своих выдающихся предках и желания быть ближе к знаковым историческим событиям. Легенду о Риме он прочёл в одном вокзальном сортире. Часть учебника истории была заботливо оставлена каким-то сердобольным учеником в кабинке на крышке сливного бачка. Вот не до конца использованную по назначению главу и прочёл на досуге наш герой. Оставим, однако, отступление от темы...

Полнотелую богиню торговли Катю он заметил накануне вечером, как раз по прибытии в город Земск. Следуя от вокзала пешком, из-за отсутствия наличных, безналичных и иных средств он заглянул в витрину частного магазина, носившего гордое название «супермаркет». Катя плавала в изобилии продовольственных товаров, легко лавируя между полок с алкогольными напитками и макаронными изделиями. Её статная фигура говорила о наличии хорошего питания, тёплого гнёздышка и неплохого денежного содержания. Глаза не оставляли и тени сомнения о её семейном положении. Взгляд одинокой, ищущей женщины похож на взгляд зрелой самки в поисках породистого самца. Такой экземпляр можно брать на голый крючок, без блесны и наживы. Она готова. Она ждёт. Решение «брать» Ром принял сразу, отложив всё же практическую реализацию плана на следующий день.

Кто же он, наш неунывающий герой? Его основная профессия оставалась всегда загадкой для окружающих. Многие видели в нём начинающего политика новой волны, так как верили его красочным рассказам о дипломатической карьере. Кому-то он казался похожим на извест-

ного кинорежиссёра. Многие узнавали в нём легендарного спортсмена. Сам Давид Богданович Ром был уверен, что является свободным художником, изучающим человека разумного, и что его личные свершения и славная карьера ещё впереди.

План Давида по соблазнению хозяйки продовольственных залежей сработал на все сто! Одинокая хищница торговых прерий клюнула сразу и заглотила крючок наверняка. Господин рассеянный поблагодарил Катю за понимание ситуации с отсутствием средств, записал её номер телефона, адрес места жительства и пообещал вернуть деньги как только, так сразу.

Позвонил он через пятнадцать минут. Катя даже не сомневалась в порядочности покупателя. Её измученное одиночеством большое тело трепетало в тот момент, когда голос в трубке мягко и томно предложил поужинать вместе.

– Да, я заканчиваю в восемь...

– Чудесно. Буду ждать вас у магазина. До встречи.

Всё оставшееся время рабочего дня Катя провела в эйфории предчувствия. Мысли её уносились вдаль, подгоняемые игривым ветром женской фантазии, и рисовали картины такого характера, что на них можно было ставить надпись: «Детям до восемнадцати смотреть запрещается!»

В восемь с небольшим у магазина Катю ждал Давид. Элегантный костюм (оказался в комнате геолога). Лёгкая небритость, огромная красная роза в руке и улыбка. Набор довольно пошлый, но работающий... особенно в провинции.

Встреча переросла в скромное пожатие рук, передачу цветка и приглашение отужинать в домашней обстановке... со стороны Кати. Ей не терпелось затащить красавца в своё гнездышко. Она не доверяла ужинам в ресторанах. И имела нехороший опыт таких встреч. Когда, проведя весь вечер с кавалером, остаёшься одна лишь только потому, что кавалер, употребив изрядно водки, уходил с другой посетительницей общепитовского заведения, и только потому, что у неё тоньше талия или больше грудь. «Нет. Только в домашней обстановке. Оттуда ему не уйти!» За первыми робкими и трогательными сценами разгорающегося романа Катя как-то позабыла о долге... А Давид как-то не напоминал...

Утром следующего дня холостяцкая квартира Кати обрела новый статус. Появление мужской одежды на стуле у окна и ботинок сорок третьего размера под вешалкой в прихожей превратили женское скромное жилище в полноценный домашний очаг. Причём очаг в понимании не как огонь, а как семейная берлога. Хотя квартирка была очень милой, чистенькой и дорого обставленной. Берлогой её в душе окрестил Давид, так как решил отлежаться в ней как можно дольше. Он сильно поизносился, проигрался и отощал за последний год скитаний с бурными весёлыми застольями, лихими загулами и бессонными ночами вначале за вполне светским преферансом, а далее – опустившись до простой плебейской забавы «сека» и «очко».

Катя сияла от счастья, готовя завтрак и наслаждаясь положением. Она ликовала всем своим истосковавшимся женским организмом от мужского присутствия. Ночь прошла удачно. И это слабо сказано! Гостеприимная королева продовольственной торговли в жизни не имела ничего подобного. И отпускать своё счастье не желала. Она строила планы, придумывала поводы, дабы оставить Давида у себя на «пожить». Поскольку желания обоих совпали, договорились быстро.

Позавтракав невиданными давно горячими бутербродами, подогретыми в новомодном приспособлении – тостере, и запивая их отличным настоящим молотым кофе, Давид сказал в лоб:

– Хорошо у тебя. Я, пожалуй, поживу, если ты не против. У моего друга ремонт. Гостиница на брони, конечно... Но...

– Никаких гостиниц! Оставайся. Я буду только рада. – Счастливая пышка поцеловала перед уходом Давида и, подгоняемая бурным ветром свежих эротических воспоминаний,

понеслась на работу. Ей не терпелось поделиться с подругой, которая была давно и скучно замужем, но тоже мечтала о ярких отношениях и романтических встречах.

Женщины России практически всегда одиноки. Во-первых, мужчин в стране, по статистике (которая много чего искажает, но тут, по всей видимости, верна), меньше на десять миллионов. Во-вторых, имеющиеся в наличии особи часто пьют, смотрят футбол, играют в преферанс, в бильярд, домино, чинят машину в гараже или лежат на диване, накрывшись газетой. Оставшиеся претенденты или служат в армии, или сидят в тюрьме. А ещё недавно появились первые открытые нетрадиционно ориентированные. Пропали мужчины как вид. Отдельные достойные внимания экземпляры находятся в неволе брачных уз и ещё под охраной строгих любовниц. В Красную книгу мужики не занесены, конечно... Хотя неясно: почему?

Одиноким женщины находятся в постоянном поиске, убеждая тем не менее всех окружающих, что замужество – это ханжество, тоска и не для них. И, конечно же, беззастенчиво врут! Они все очень хотят замуж. Муж нужен им, как собаке ошейник, кошке печь, а домашней канарейке клетка. Неважно, какой брак – счастливый или не очень. Важно кольцо на руке, которое носится гордо и говорит всем окружающим: «Я замужем!», и тут же женщина игриво добавляет лёгким блеском глаз: «...но это ничего не значит». Одиночество в браке мало чем отличается от одиночества вне его. Однако оно предусматривает готовку, стирку, глажку, уборку, и не только для себя, но в первую очередь для мужа и детей.

Но почему-то одиночество в браке считается почётным и престижным. Катя мечтала выйти замуж с самого детства. Но дожив до своих полных двадцати шести, так и не смогла найти человека который... который... Да просто – человека, а который или не который – не так и важно. И вот он! Неужели нашла?!

Подруга Зина, заведующая отделом овощной продукции, выслушала её рассказ, молча пуская дым в открытую форточку. Подождав, когда влюблённая пышка закончит своё повествование, она, затушив сигарету в пепельнице формы открытого рта крокодила, сказала:

– Ну вот что. Ты, я вижу, на этой почве немного того, – и повертела у виска. – Оставила незнакомого мужика в квартире... Ты паспорт хоть проверила?

– Что? Паспорт? Какой? Зачем? Он ведь... Я ведь... – Катя искренне не понимала вопрос.

– Я ведь, он ведь... – передразнила Зина. – Паспорт, обыкновенный! Ты что же, дурочка, думаешь, он на твои прелести попался? Да сейчас «таких» в стране... Ты вообще телевизор смотришь?

– Да, вот «Песню года», там... КВН... И другие передачи... «В мире животных» с детства люблю. А при чём тут?... – недоумевала Катя, хлопая большими коровьими глазами.

– При том! Там передача «Человек и закон», специально для таких дур вот, как ты. Брачные аферисты в стране расплодились. Вот при чём! – И Зина, усиливая тональность сказанного, добавила на повышенной ноте:

– У-ух, они какие суки... – И тихо добавила: – Точнее – кобели.

Катя грустно опустила глаза и промолчала. Зина продолжила нравоучение. В самый разгар лекции об осторожности и внимательности при выборе партнёра зазвонил телефон. На проводе был он! Катя ликовала, разговаривая по телефону, и, победоносно указывая пальцем на трубу, строила Зине язвительные рожи: мол, вот, звонит. Не пропал и не ограбил. Окончив разговор, она показала розовый язычок своей подруге и, потянувшись, весьма недвусмысленно промычала: «Ох, как я долго ждала его». Она в душе проводила параллели, объединяющие её судьбу с судьбой героини одного известного фильма советских времён, и была счастлива. Он ждёт! Он спросил, что приготовить на ужин! Победа!

Зина, как многие женатые подруги холостых дам, ревностно оберегала Катю от «случайных связей». Ей нравилось играть роль успешной семейной женщины, сочувствовавшей неудачнице – холостой подруге. Катя была моложе и привлекательней, и, если у неё появится мужчина, она, в понимании Зины, тут же займёт более высокое положение в табели о рангах.

Куда приятней вздыхать и говорить: «Ну вот – и красавица, и умница, и хозяйка, а мужика нормального Бог не дал». Расстроившись из-за хорошего настроения подружки, да ещё по такому неприятному поводу, она, нервно пуская дым, продолжала возмущаться, надеясь отговорить подружку от дальнейшего общения с каким-то там мужиком «без роду и племени». Всё было напрасно. Хорошие манеры, сильные руки и прекрасные качества любовника сделали оголодавшую женщину свободной от надоедливого жужжания битой мужем-пьяницей подружки.

Заложив руки за голову, она закружилась в тесной подсобке, чуть не свалив банки с маринованными огурцами своим сильным, красивым и большим телом.

– Ох, Зинка! Я проваливаюсь! Я влюбилась! Такой! Такой!

– Не знаю, не знаю... – Зинка, затушив очередной бычок, нервно вышла в зал.

Катя позвонила подружке в магазин модной одежды, который открылся накануне и уже успел порадовать местных модниц. Она заказала новую вещь. Так, по привычке позвонив завмагу. Вещи в советское не очень доброе время покупали не те, которые нужны, а те, которые есть в наличии. Точнее, в наличии не было иногда ничего, особенно в конце пути славного периода развитого социализма. Новое время принесло море товаров, в том числе и одежды. Однако привычка купить «что-нибудь новенькое» сохранилась. И купить не просто в зале, а через заднее крыльцо всегда приятней. Да и с подружкой поделиться хотелось.

– Людочка, милая, – пела в трубку влюблённая провинциалка, – я к тебе сегодня заеду. Ты до какого времени будешь?

– А, Катюша, привет. Заезжай, конечно. Новую коллекцию завезли. Я присмотрела твой пятидесятый. Костюм «деловая леди», с явным намёком на «продолжение».

– Ой-ой! Как раз то, что мне сейчас нужно!

– Да ты что? – обрадовалась Людочка. Она, в отличие от Зины, была разведена и живо интересовалась сильным полом, при этом искренне радуясь успеху подружки на фронте мелиорации сексуально-одионочной засухи. – Жду!

Катя положила трубку, прошла в дальний угол, открыла дверь подсобного помещения, достала припрятанную бутылку хорошего армянского коньяка – подарок поставщиков, вернула в какую-то газету, валявшуюся рядом, и вскрикнула от неожиданности. Прямо на неё с полки смотрела небольшая симпатичная мышка. Она мило мыла мордочку лапками, абсолютно не испугавшись присутствия женщины.

– Ты что тут делаешь? Давай уходи. – И Катя легонько махнула газетой в сторону зверька.

Мышка не убежала. Она смешно встала на задние лапки и сделала оборот на триста шестьдесят вокруг своей оси. Затем, словно в мультфильмах, присела, будто в реверансе, и, пискнув, опять усталилась на Катю.

– Ну дела. Ты что, из цирка? Они же уехали на прошлой неделе. – Катя вспомнила, что почти месяц на площади, перед магазином, раскинув свой шатёр, стоял цирк шапито, призывая всех: *«Посетить незабываемое представление с живыми львами и очаровательными дрессированными мышами. Наш волшебник-предсказатель расскажет, что ждёт вас в будущем. И всё это за каких-то десять условных единиц»*.

Она ходила в цирк. Сидела в первом ряду, рядом с бывшим первым секретарём райкома, который, даже не поменяв кабинет, стал главой города, руководителем «новой формации». Катя была настолько занята поиском спутника жизни, повседневными заботами, поставкой товара, учётами, переучётами и прочим торговыми операциями, что не имела времени вникать в политические перипетии и названия должностей местного начальства. Глава города Земска любил, когда его окружали красивые женщины. Будучи человеком совсем ещё нестарым, ходил он на некоторые мероприятия иногда один, без супруги. Хотя супруга была женщиной очень общительной и любила подобные тусовки. Однако на премьеру представления передвижного цирка в тот день не пошла. Причина того неясна, хотя, может быть, потому, что все значимые события – а премьеры представления приехавшего цирка к таковым относилась – счита-

лись в Земске рабочими мероприятиями. А посему присутствие жены было необязательно. Катю выбрали от работников торговли для посещения культурно-массового мероприятия, и она сидела по правую руку от градоправителя. По левую руку сидела тренер по художественной гимнастике местной умирающей ДЮСШ (детско-юношеской спортивной школы). Гимнастка была полной противоположностью Кати. Стройна, крепка и моложава, в свои тридцать с большим она могла дать фору молодёжи. Согласилась она сидеть рядом с главой, только лишь надеясь на помощь в сохранении потерявшего финансирование спортшколы с громким названием «Наша смена». Смена чего и кого, а тем более на кого, становилось в последнее время всё более неясно. А тут такой случай – пообщаться с самим градоправителем. Пришла...

Представление прошло на ура. Клоуны и акробаты, гимнасты и фокусники, тигры и собачки. Но сильнее всего удивил публику номер с дрессированными мышами. На арене, на высоком помосте, стоял игрушечный домик. Из него выезжал мини-поезд с пассажирами – мышами, которые весело перебегали из вагона в вагон, выполняли трюки на подвесной верёвке, прыгали через обруч и даже плясали на задних лапках. Жаль, что видели это только зрители первых рядов. Слишком мелки были артисты, а проектировать на большой экран умели не везде. После представления глава города предложил подвезти дам. Спортсменка отказалась, сославшись на усталость, а Катя поехала. Дальнейшее она не хотела вспоминать, хотя всё было очень прилично и достойно. С цветами, шампанским, загородным отелем, быстрым сексом и долгими уговорами никому не рассказывать о минутной слабости «занятого государственной работой человека», то есть главы города. Позже была пара звонков с неоднозначными намёками на встречу, но Кате удавалось находить увёртки, и встречи не состоялись. Однако некоторые дела Катя могла теперь решать в городе.

Вспомнив о цирке и решив, что мышь – убежавшая актриса, девушка предложила ей (словно та понимает) «подождать минутку».

Катя пришла даже быстрее, неся в руке кусок сыра и второй кусочек – докторской. «Актриса» предпочла докторскую.

– Ну ешь, ешь. Изголодалась небось.

Мышка аккуратно ела, держа кусочки в передних лапках. Было забавно смотреть на симпатичного грызуна, тем более осознавая, что она не дикая, а настоящая цирковая актриса. Закончив с трапезой и умывшись лапками, мышка пискнула и нырнула в щель между стеллажом и полом. Катя собиралась уже уходить, как вдруг серенькая артистка вынырнула снова, таща за собой страницу свежей, пахнущей типографской краской газеты.

– Вот тебе раз. Это откуда ещё?

Мышка пискнула, встала на задние лапки и, пробежав по развернувшейся газете, уселась на то место, где значилась дата выхода в свет печатного издания. Катя мельком глянула на дату.

Что за чёрт? Намётанный взгляд профессионального товароведа, ежедневно проверяющего сроки годности товаров, уловил явное несоответствие. На газете стояло 17.03.1997.

– Опечатка, что ли? Ещё только же... Ну дела!

Затем Катя, словно что-то вспомнив, глянула на газету, в которую завернула коньяк.

– О боже! А тут и вовсе.

На газете красовалась дата и год. Дата – бог бы с ней. Но год! Год стоял 2003! Это же почти на десять лет! И ещё фотография какого-то мужичка, моложавого и улыбающегося, а внизу подпись: «Президент России встретился с лидерами «Большой восьмёрки». Ничего себе! Катя подумала, что кто-то разместил шутливую рекламу. Сейчас стало модным. Реклама только появилась. При старой власти вся реклама заключалась в основных двух призывах: «Отдыхайте в здравницах Крыма и Кавказа» и «Летайте самолётами Аэрофлота». Можно подумать, кто-то мог отдыхать в другом месте при закрытой стране и летать не «Аэрофлотом». Но сейчас! Наверняка какой-то ход. Посмотрим. Погасив свет, Катя вышла, прихватив с собой бутылку,

завёрнутую в странную газету. Уже через пять минут она забыла и о газете, и о президенте. Все её мысли были заняты предчувствием встречи со своим новым предметом обожания...

Мышка пискнула, встала на задние лапки...

По пути домой девушка заскочила в магазин одежды и купила обещанный подругой костюм. Переодевшись тут же в кабинете директора магазина, она направилась домой при полном параде, стуча подковками туфель на очень высоких чудо-каблуках и взбрыкивая от нетерпения.

Глава III

На трудовую вахту

Ужин ждал Катю. Предмет обожания встречал у порога, с улыбкой рекламного ковбоя сигарет «Мальборо». В квартире приятно пахло специями и жареным мясом. Желанный квартирант встречал хозяйку, приютившую его, с букетом цветов – элегантных ромашек с большими белыми лепестками. Ромашки Давид обнаружил ещё днём неподалёку от здания Дома культуры. Они радовали немногочисленных прохожих ровно до того момента, пока на них не положил взгляд внимательный ловелас. Не мог же он встретить девушку без цветов!

Женщины вообще тают от небольшого проявления внимания. Не избалованные ухаживаниями, вздохами под луной, держанием за ручку в полутьме вечернего сеанса, они размягчаются при первых признаках такого внимания со стороны мужчин.

Кате, как, впрочем, и большинству нормальных женщин, попадались всё более прагматично-циничные или, что, несомненно, хуже, вульгарно-пошлые ухажёры. От одних она слышала: «У меня нет времени на ухаживания», затем, оставшись наедине: «Повернись», а чуть позже: «Я думаю, всё останется между нами».

Другой типаж начинал куда более романтично, но заканчивал примерно на той же ноте, уговаривая никому не говорить и понять женатого мужчину. Были и светлые пятна воспоминаний, но их оказывалось так мало, что они проскакивали незаметно и, как правило, без продолжения. Бухгалтер подарил цветы на Восьмое марта.

Затем пригласил в театр, а позже его побила жена – домохозяйка, отягощённая четырьмя подрастающими бандитами, невыплаченным кооперативом и лишним весом, на фоне полного безденежья. Она больше кляла своего мужа-бухгалтера не за измену, а за растраты на дорожные цветы и билеты. На этом несостоявшийся роман закончился.

Давид был тактичен, обходителен и умён. К тому же прекрасный любовник. «Есть в жизни счастье», – решила Катя. Ужин проходил при свечах. Свечи зажёл организатор ужина. Говорили о мелочах, потягивая вино и глядя в глаза друг другу. Когда градус кипения ожидания бурного продолжения дошёл до предела, Давид вдруг сказал:

– Мне очень хорошо с тобой, но... Право, даже неловко. Я не хочу быть тебе обузой. Дело в том... Подожди, не перебивай... Меня обворовали. Вещи пропали... и деньги. Практически всё. В милицию идти глупо... Но я позвонил другу – он примет. Так что, Катюша, извини – не привык быть нахлебником. – И организатор свалившегося на Катю счастья стал собираться.

Слёзы навернулись на большие Катины глаза, губы затряслись, грудь стала часто вздыматься, и она наконец разрыдалась. Плакать женщины любят и умеют по поводу и чаще – вовсе без него. Слёзы счастья и радости чередуются со слезами обиды и несправедливости. Редко плачут от горя, а уж не дай бог настоящая беда – тогда не до слёз. Беда выжигает чувства, и плакать, поливая всех слезами, не может в таком состоянии никто.

Катя плакала от обиды, что не вредно, а даже полезно. Она не уговаривала нового друга. Гордость была чертой, отличающей её от многих женщин. Она жалко смотрела на любовника брошенным ребёнком и, размазывая тушь по щекам, тихонько икала. Потом поднялась, прошла в прихожую и, вернувшись, протянула свёрток.

– Возьми коньяк... Хороший. И ещё... Знаю, не возьмёшь... Но всё равно. – Она полезла в кошелек, выудила из него всю наличность и, не глядя в глаза тактичному и честному квартиранту, протянула деньги.

Давид очень грустно улыбнулся, отвёл руку с деньгами в сторону и прижал плачущую женщину к своей мощной молодой груди. Дождавшись, когда всхлипы и передёргивания тела остановятся, он прошептал хозяйке на ушко:

– Хорошо, милая, я останусь. Я не думал, что тебе это так важно.

– Важно, очень важно. – Катя обхватила Рома за плечи, поднялась на цыпочки и запричитала, глядя ему в глаза:

– Важно, любимый, мой хороший... Ой как важно... Ничего – поживёшь пока, а там посмотрим. Вдруг всё образуется. А деньги? Деньги – ерунда, у меня на первое время есть. Я подкопила немного. Хочешь – возьми сколько надо. Вот! – И она открыла свой схрон мужчине, которого знала менее суток. Да... Волшебная сила любви и прекрасная душа одиноких женщин нашей азиатской, непознанной до конца страны становятся часто загадкой для умных, находкой для жадных и добычей для негодяев. Давид разыграл комедию для полной легитимации, как ныне модно говорить, своего положения квартиранта. Он якобы не хотел быть обузой, но его уговорили! План сработал.

Коньяк пригодился. Они сидели на диване. Играла тихая музыка. Звуки исходили из большого двухкассетника, купленного Катей давно по случаю у моряка, приехавшего в отпуск. Они пили коньяк и закусывали шоколадом. Взгляд сердцееда невольно упал на валявшуюся рядом газету, в которую была завернута бутылка. Он поднёс её поближе к глазам и даже прищипнул.

– Это что?

– А, дата... Да, – Катя махнула рукой, – на работе в подсобке валялась. Наверное, какая-то шутка. Рекламный трюк. Хотя ты знаешь, у нас там мышь! В подсобке! Актриса из цирка. Да-да, не смейся. – Катя большим ребёнком рассказала историю с серой актрисой. Потом как-то постепенно сбилась на другую тему, непрерывно счастливо щебеча и взвизгивая. Однако, выслушав рассказ, Давид ещё больше заинтересовался газетой. А тут ещё опытный взгляд бывалого игрока и авантюриста уловил детали, ускользнувшие от женского внимания. Газета была какая-то необычная. И бумага, и тексты, и тираж маленький. Вторая газета, которую Катя оставила в прихожей, и вовсе пестрела непонятными названиями и какими-то чудными словами. Давид заметил статью, озаглавленную «Гаджеты нового поколения». Что-то очень взволновало стреляного воробья. Да и на фото – машины, каких он не видел даже в кино. И в разделе «спорт», где разместился список лучших бомбардиров чемпионата по футболу, Ром, большой знаток его, не встретил ни одной знакомой фамилии.

– Слушай, а тебе никогда не казалось, что с тобой нечто подобное уже происходило? – спросил квартирант сердобольную влюблённую хозяйку.

– Ой, каждый день кажется. На работе – всё одно и то же. Товар прими, накладные проверь, в зал выдай, за выкладкой проследи, сроки сверь... Одно и то же. – Женщина, захмелев, ластилась домашней кошкой, то и дело прижимаясь тугим бедром к предмету своего обожания. А между тем предмет обожания внимательно и тщательно изучал странную газету. Да, времена изменились. И газеты стали другими, чем при Советах. Но что-то не то.

Газеты и журналы в советское время делились на две категории. Первая – это те, в которых говорили, что надо партии и правительству, и их навязывали покупателю-подписчику. Вторые – те, в которых тоже было что надо, но затрагивались и более интересные темы. Таких было мало, и их нельзя было купить. К первой категории относились всесоюзные – «Правда», в которой правды было ни на грош, «Известия» – копия «Правды», но с претензией на оперативность, «Комсомольская...» опять же «...правда», «Пионерская...» – тоже она, родимая – правдочка и множество областных и городских изданий, честно перепечатающих передовицы из «Правды» и «Известий». Ещё огромное количество различных «Коммунистов», которые выписывали – по приказу разумеется – все члены партии, а позже и сочувствующие. Сочувствующие вовсе не сочувствовали, но сказать об этом не решались.

Ко второй категории относились журналы. Среди них проблескивала новыми именами сибирских писателей «Юность», завораживал недосказанными намёками «Новый мир» и навевала мысли о романтическом «Роман-газета».

Различные «Юные техники, натуралисты, изобретатели..» и прочие дарования в эпоху недоступности чего другого воспринимались хорошо и с интересом. Но ни одна центральная газета не имела тираж менее миллиона в день. Что очень помогало в эпоху тотального дефицита компенсировать недостатки в работе целлюлозно-бумажных комбинатов по выпуску туалетной бумаги. Аккуратно нарезанные квадратики периодической печати дополняли скудный интерьер коммунальных туалетов и общественных уборных всей страны. Они выполняли две задачи: просветительскую и гигиеническую. Читать нарезанные квадратики вошло в привычку и применяется до сих пор при выступлении с трибуны того или иного бонзы. Гигиеническую – понятно почему. Хотя позже выяснилось, что к гигиене эти нарезанные квадратики имели очень посредственное отношение. Всё же при наборе и печати использовался вредный свинец и типографская краска.

Изучая странную газету и не забывая отвечать лёгким поглаживанием тугой спины приветливой хозяйки, сердце профессионала вдруг оживилось. Глаза заблестели, улыбка осветила мужественное и наглое лицо, тело напряглось. Идея родилась сама собой.

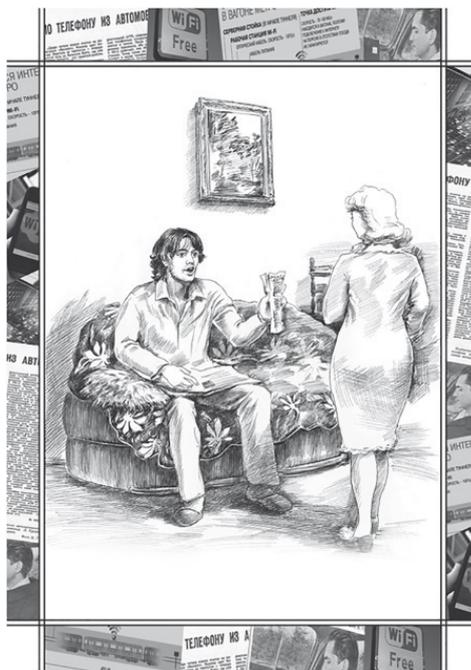
Здесь надо заметить, что герой наш принадлежал к той категории людей, которые не вникают глубоко в необъяснимые явления. Для нормального среднестатистического гражданина появление газеты с датой, на добрый десяток лет отличающейся от современности, причём в будущее, стало бы либо предметом удивления, либо поводом обратиться к врачу. Давид был практик. Любое событие он старался обратить себе во благо. То, что газета была необычной, он понял сразу. То, что она каким-то чудным образом могла оказаться в настоящем, прилетев из будущего, не могло укладываться в рамки разумного, но прекрасно укладывалось в схему рассуждений Давида Богдановича Рома, человека, не отягощённого самокопанием и не проводящего глубокого анализа происходящего. Вот газета. Вот дата. Вот слова... незнакомые. Вот машины... крутые. Явно не современные. Что вам ещё? Газета из будущего. Факт! А раз есть факт, его необходимо как-то употребить с пользой. А откуда она? Почему да как оказалась в подсобке? Это не его дело.

Вообще, отсутствие эмоциональной составляющей в действиях и поступках молодого махинатора помогало ему не один раз. И сейчас он едва уловимо, как в тумане, просматривал перспективы выудить пользу от информации из будущего. Стараясь не акцентировать внимания влюблённой дурочки на заинтересованности газетой, Давид спросил:

– А что, в подсобке ещё такие есть? – и приподнял газету за край небрежно и как бы между прочим.

– Не знаю, – млея, как кошка, на могучем плече, ответила Катя, не размыкая закрытых в томной неге и блаженстве глаз. – Мышка принесла... наверное, ещё может принести. Только подкормить. – И она, продолжая мурлыкать, улыбнулась.

– Хм... мышка... мышка? Они ручные у вас, что ли? – хмыкнул любовник.

– А что, в подсобке ещё такие есть? – и приподнял газету за край небрежно и как бы между прочим.

Катя отлипла от любимого и, поставив свой бокал на стол, увлечённо повторила рассказ про, видимо, сбежавшую из цирка мышку. Про то, как она её кормила, а та в награду принесла ей газету.

– Смешно, не правда ли? – продолжая пожирать глазами своего желанного, пропела заколдованная чарами любви дева.

Давид понял: стоп! Хватит заострять внимание. Он умело перевёл разговор в другое русло. С женщинами это просто. Главное, найти тему, в которой она разбирается лучше его.

– Слушай... Я тут подумал. Всё равно выход из положения надо искать. Пока суть да дело. Можно мне у вас кем-нибудь устроиться? Грузчиком, например.

– Ты – грузчиком? Нет. – В этом «нет» было всё прочувствованное Катей в то мгновение, воспринявшей предложение от любимого поработать грузчиком как жертву. – С какого перепуга? Ещё не хватало! – И она, встав с дивана и уперев руки в крутые бока, прочла небольшую лекцию о месте каждого человека в обществе. Из её краткого доклада следовало, что люди должны знать своё место в жизни. Занимать места выше тебе определённого – непозволительно. А уж ниже, чем ты заслуживаешь, – просто преступно. При этом она не объяснила, кем определяется место в жизни и как можно его заслужить. Очевидно, считала, что и так понятно. Выслушав доклад по теме, Давид кивнул и спокойно сказал:

– Да. Ты права. Но всё же... Завтра идём к тебе в магазин, и я устроюсь... грузчиком. – И жёстко добавил: – Тема закрыта.

Заявление написала Катя. Подпись, тут же на месте придуманную, поставил господин Ром.

Обязанности грузчика были не очень разнообразны. Даже очень конкретны. Разгружать прибывшие машины с товаром – раз, в присутствии материально-ответственного лица доставлять товар из подсобок и холодильных камер в зал – это два и так, по мелочи, – это три. Небольшие поручения в счёт не шли.

Шкафчик в раздевалке определили. Подпись о материальной ответственности взяли. Паспорт... А вот с паспортом вышла заминка. Его, по словам претендента на вакантную должность менеджера по разгрузке товара, украли вместе со всеми документами. Давида Рома при-

няли под честное слово... Кати. Первым делом Давид облачился в синий халат, нацепил бейджик с именем Марат (такой остался от предыдущего грузчика) и вышел на задний двор.

Задний двор супермаркета – это его лицо. Так считают многие понимающие в торговле люди. Все чёрные и серые делишки творятся исключительно на заднем дворе, у чёрного входа, левого крыльца и потайной дверки. Отсюда выносятся излишки, появившиеся в результате эффективного способа учёта товара. Здесь, за неизменными баками для мусора, распивают слабо-, сильно- и не очень алкогольные напитки труженики метлы и лопаты – дворники. Здесь, на месте, определённом для курения, начинаются служебные романы между продавщицами и мясниками. Здесь же греет своё толстое тело магазинная кошка Муся. Задний двор дышит полной грудью насыщенной заприлавочной жизни супермаркета, скрытой от глаз наивных, но вредных клиентов.

Покупатели видят фасадно-парадную сторону дела. Они не догадываются, что хлеб разгружают вручную, перекладывая булки, батоны и буханки голыми руками, которыми только что выносили мусор. Они и в мыслях не могут представить, что квашеная капуста, расфасованная по пластиковым баночкам и носящая интригующее название «Фермерская. Экологическая», прибыла в огромной пластиковой бочке, развалилась при падении с борта и была собрана прямо с земли. Трудно представить наивному покупателю, что выпечка из отдела «Кулинария по-домашнему» прошла тяжёлый путь от поварской до прилавка через руки весёлого парня с восточным именем Замир. Он доставлял её в зал, прислонив поднос к своей не совсем стерильной просаленной робе, дабы не уронить ценный товар на пол. Ну, а если что и ронял, то принцип «быстро поднятый бутерброд не считается упавшим» оправдывал его неловкость. Не догадывался покупатель, который, как нам известно, всегда прав, что полная и весёлая повар-кондитер Галя вчера жаловалась на тьму тараканов, которых ей приходится каждое утро доставать из теста. Как они туда просачиваются, оставалось секретом даже для поварихи Гали.

Давид оценил ситуацию «тайн мадридского двора», словно опытный командир на полевой рекогносцировке. Он быстро понял все достоинства и недостатки новой должности. Кроме него, в смене работал ещё один грузчик – упомянутый выше Замир. Парень улыбчивый, повосточному хитроватый, но не злобный. Замир работал без выходных, отправляя заработанные рубли себе на далёкую родину.

Итак, выйдя на задний двор, новый сотрудник супермаркета – грузчик Давид с таинственным бейджиком на груди «Марат» – угостил всех находящихся на перекуре дорогими сигаретами, которые приобрёл за Катины деньги тут же в магазине. Завязался непринуждённый разговор с персоналом. Далее разговор перешёл в кулуары, то есть маленькое помещение для уборочного инвентаря, и продолжился уже в узком кругу. Говорили с глазу на глаз с Замиром. Переговоры были плодотворными и проходили в дружественной атмосфере взаимопонимания и уважения. Результатом стала устная договорённость. Замир – работает один. Давид – отдаёт половину своего жалования сыну далёких среднеазиатских степей и присутствует на работе. То есть обозначает своё наличие на рабочем месте... Все довольны, все смеются.

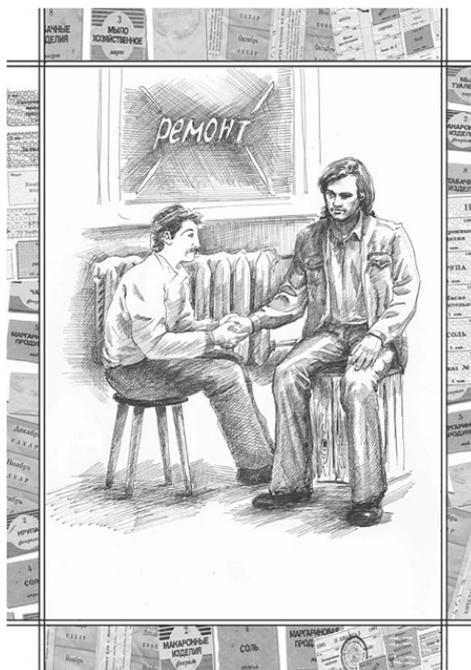
Первая часть операции, озаглавленной Ромом «Каморка папы Карло», была успешно завершена. Теперь необходимо завладеть ключами от подсобки с волшебными мышами и волшебным же образом пришедшими из будущего газетными номерами.

Глава IV

Занавес приоткрывается

Вторая часть операции «Каморка папы Карло» прошла как по писаному. Катя, замороженная кучей своих обязанностей, физически не успевала всё выполнять. Она не доверила бы ключ от подсобки с элитным алкоголем никому... кроме своего нового возлюбленного, с которым уже наметила встретить такую далёкую, по её мнению, старость. Давид со скучающим видом взял ключ, поинтересовался, что нужно делать, и повесил его на верёвочке на крепкую шею борца-полутяжа. Дело было несложным: подавать элитный алкоголь по требованию менеджера зала. В зале элитный алкоголь размещался в закрывающихся стеклянных шкафах с электрической подсветкой. Этакое новое веяние торговой моды и защита от любителей дорогого питья без оплаты.

Став хранителем заветного ключа, Давид Богданович (тут ваш покорный слуга – автор – употребил имя-отчество, подчёркивая сразу же повысившийся статус работника) сильно поднялся в глазах кассиров, продавцов, уборщиц, обвальщика и остального персонала. Его уже воспринимали не просто как грузчика, а как человека с ключом от элитного алкоголя. Новое положение, возвысив над остальными, дало возможность быть более свободным. Никто уже не мог крикнуть: «Эй, кто-нибудь из грузчиков, машина пришла!» Кричали конкретно: «Замир! Срочно на разгрузку!» Это надо понимать. Так вот, Давид Богданович, выбрав удобное время торгового затишья, зашёл в заветную «каморку папы Карло» один и запер за собой дверь. Он уже посещал сей заветный волшебный склад, когда Катя проводила вводный инструктаж, показывая разноцветные ряды с «элиткой», наклоняясь к нижним полкам и прижимаясь большими упругими ягодицами к доверенному хранителю ключа. Своими неоднозначными действиями она не позволяла Давиду сосредоточиться на главном. А главной в этой каморке «дорогого добровольного безумия» была заветная норка, из которой выбегала, по словам Кати, маленькая актриса в мягкой серой плюшевой шубке. Кошка Муся, видимо, о чём-то таком догадывалась. Она частенько задерживалась у двери в каморку, принюхиваясь и припадая на передние лапы, пытаясь заглянуть под дверь. Тщетно. Дверь, обитая железом, закрывалась плотно и непреступно. Сейчас же, когда новоиспечённый хранитель ключа был один, интимность одиночества слегка будоражила возможной вероятностью прикосновения к будущему. Не зажигая основной свет, он включил прихваченный с собой фонарик. Полки отсвечивали яркими этикетками красивых бутылок, навевая приятные воспоминания весёлых загулов недалёкого прошлого Давида. Минуты две всё было тихо. Ром достал из кармана вкусно пахнущую ванильную булку и положил её у щели между стеллажами. Долго ждать не пришлось.

Говорили с глазу на глаз.

Вскоре передняя часть полки перед пузатыми, витыми и продолговатыми бутылками одноmomentно превратилась в цирковую арену. Алле! И на арене появилась серенькая актриса. Она продефилировала вдоль края. Остановилась. Поднялась на задних лапках и смешно и очень игриво завертелась вокруг своей оси. Один-единственный зритель был благодарным. Он тихо, но отчётливо заплодировал, боясь спугнуть симпатичного зверька. Однако мышка и не подумала бояться. Она замахала перед симпатичной мордочкой лапками, явно желая поощрения. Давид осторожно отломил кусочек приятно пахнущего лакомства и положил его перед выступающей мышкой. Актриса со всей грациозной жеманностью, свойственной известным героям представлений, подошла к лакомству и, зажав его двумя лапками, стала быстро перебирать ртом, откусывая очень аккуратно маленькие кусочки. Насытившись, она изобразила что-то подобное поклону, затем попятилась назад и, юркнув в щель, исчезла.

По ту сторону двери слышались шаги и голос Катерины:

– Девочки, уже половина четвёртого, все по местам. Кончай перекур. В зале народа полно, а там всего трое из персонала.

Зашуршали одежды, застучали каблочки. Захихикали девочки. Дневное время относительного затишья плавно перетекало в вечерний поток покупательского наплыва.

Однако шум за дверью не нарушил тайный ход ритуала, проводимого серым зверьком. Через пару-тройку минут из щели появилась сначала мордочка со смешно дёргающимися усиками, бусинки маковых глазок, а затем и сама актриса, отставшая от уехавшего шапито. За ней тащился кусок газеты, который мышшь пыталась аккуратно высвободить из плена стеллажей. Давид стоял молча, затаив дыхание, и наблюдал. Вытащив на свет всю газету, мышка пискнула и была такова.

Газета была с интересным названием «Коммерсантъ и К» и невероятной датой 11.03.2014. Хранитель ключа от сокровищницы сезама ликовал. На первой странице издания красовалась фотография лысоватого мужичка на фоне танков и самолётов, взрезающих потемневшее небо. Мужик был в чёрных очках и широко улыбался. Позади него, чуть слева – солдат с едва ли уместной надписью на бронежилете: «Вежливые люди». «Странно», – подумал Давид. Если бы он прочёл текст статьи, то его изумление удесятирилось бы. Но первые страницы его, как и многих умных читателей газет, не интересовали. Он развернул газету и стал

внимательно всматриваться в лица на фотографиях, пытаюсь найти знакомые. Тщетно. Вдруг его интересное занятие прервал звонкий голос Кати:

– Найдите Давида Богдановича, пусть подаст мартини в зал... Он где-то здесь, только что был...

Давид быстро свернул газету и сунул в бездонный карман синего халата.

Рабочий день проходил хорошо. Замир прекрасно справлялся и один с разгрузкой машин, мысленно в уме подсчитывая полученную выгоду. Дома, в солнечной южной азиатской стране, результатов его труда ждали многочисленные родственники, родственники родственников, бабушки, тёти, племянницы. И он, подталкиваемый чувством долга вперемешку с чувством наживы, набрасывался на очередную прибывшую машину с товаром с удвоенной силой. Давид крутился рядом, осуществляя руководство вовремя сказанными фразами и короткими, почти армейскими командами: «Левей», «Пониже», «Кантуй», «Вири», «Майнуй помалу», «Дорогу» и многими другими словами, что создавало эффект его активного участия, вызывая удовлетворённо-умильный взгляд Кати и завистливо-жёлчные вздохи Зины. Стоило руководству отойти, Давид тут же прекращал имитацию кипучей деятельности и уходил к курительной лавке на задний двор торгового муравейника, где и продолжал свой трудовой подвиг в обществе попеременно меняющихся торговых работников, вышедших на перекур или обедающих просрочкой технического персонала.

Вечером, после красивого ужина, пока благочестивая хозяйка убирала со стола и мыла посуду, Давид просматривал принесённые им и ранее Катей газеты. Читал он вначале бегло и невнимательно, потом всё более вникая в суть и углубляясь в описанные события. И занятие это приносило ему массу положительных эмоций. Он удивлялся многому и многое не понимал. Вот примерная хроника из трёх имеющихся газет. В 1998 году все кричат про какой-то дефолт. Давид, перевернув все свои воспоминания, используя довольно поверхностные лингвистические способности, не мог понять смысл слова, пока не обнаружил простое и понятное его значение. Одна маленькая заметка – и всё ясно. Заметка – интервью с рабочим.

Его спросил корреспондент: «Что вы делаете для преодоления кризиса?» Ответ был ясным и чётким: «Да... я делаю. Ну, чего тут делать? Зарплату не заплатили. Завод закрыли. Банк, в котором накопил немного, лопнул. Вот, картошку посадил».

Понятно стало, что в стране в девяносто восьмом будет плохо. А до этого – вот газета посвежее – всё замечательно. «МММ» – процветает, «Хопёр-Инвест», «Селенга»... Чуть позже – ГКО. Что за собака такая? Ага, понятно, вот ниже объяснение. Та же фигня, что и «МММ», но уже от государства.

Ежедневно Давид находил несколько минут, чтобы уединиться в тайной камерке. Он никогда не уходил без очередного номера периодического издания из будущего. Время суток каждый раз выбирал разное. Интересно – как это повлияет на дату выпуска газеты?

Изучая периодику будущего, Давид понял, что в его сознании появилось много белых пятен в истории развития рыночных отношений. Будучи человеком практическим, он стал вспоминать: «В какое время мышь выносила газеты?» Вот за 1996 год – это почти к закрытию магазина, около восьми вечера. Он помнил точно – без десяти минут. А эта, за 2003, – около четырёх. Зинка ещё девчонок из курилки выгоняла. Так, а эта под утро, год более ранний. Что же получается? Если 1996 год взять за окончание суток, так как достала серая актриса поздно вечером, а 2003 – это около четырёх, значит... Он стал вспоминать по минутам, как и когда он кормил дрессированную связную с будущим. Это получается, что, если прийти ночью около ноля часов, она достанет газету за завтрашний день? Или рядом с ним. «Эврика!» Это слово нравилось новоиспечённому грузчику в системе частной торговли ещё с детских времён. Он, будучи совсем мальчишкой, запомнил его, когда, кусая бутерброд с колбасой и маслом и внимательно глядя на экран телевизора, смотрел мультфильм про Архимеда. На экране

нарисованный тощий бородач, выскочив из полной ванны воды, закричал именно это слово – «Эврика!», что означает «Нашёл!». Так объяснял голос за кадром.

Да! Эврика! Давида осенило. Он понял, как простая газета из будущего может приносить хороший заработок.

Зарабатывать деньги всегда приятно. Но куда более приятно их получать... Довольно спорная теория нашему герою не казалась такой уж спорной. Он не был отягощён излишним чувством справедливого распределения «по труду». Всегда, с первых своих проб пера на ниве обогащения, ему больше нравилась та часть учения Маркса и Энгельса, в которой средства распределяются «по потребностям».

Многие циники называют теорию коммунизма «утопической сказкой». Давид считал: всё возможно. И именно та часть, которая сулила такое справедливое удовлетворение потребностей, его сильно прельщала. Поскольку – и он в том был убеждён – потребности возрастают с ростом интеллектуального уровня гражданина, он не сомневался в своём запредельно высоком интеллекте. Ну подумайте, что может желать гражданин в затёртом костюме, который носит его вот уже двадцать лет, кроме хорошего куска колбасы под водку, объятий чужой жены и возможности как следует выспаться. А какие фантазии терзают среднестатистического обывателя, лежащего на диване перед телевизором, прикрывшегося газетой и портящего воздух в полудрёме? Пределом его мечтаний остаётся реализация записки втайне от растолстевшей за годы счастливого брака спутницы жизни. Или возможность одному съездить на курорт в Крым, где он в первый же день напьётся до свинячьего вида, соблазнит медсестру санатория, завалится спать прямо в ботинках, а утром сможет спокойно достать из холодильника бутылочку холодного «Жигулёвского» и пить, пить, пить, не опасаясь визгов и воплей со стороны женской половины семьи... Хотя нет, пожалуй, он мечтает не о «Жигулёвском», а о крепком «Пльзеньском». Но выпьет его, конечно, без криков и упрёков... Он может помечтать и о несбыточном. Об автомобиле, например, о даче, о любовнице с большой грудью и осиной талией. О том, как его сделают большим начальником и он станет пить чай, сидя в кабинете, за столом с пятью телефонами. Как однажды переедет из двенадцатиметровой коммуналки в отдельную квартиру. Пусть в панельном и на окраине. Но отдельную! Вот и все тайные мечты пивного или книжного обывателя.

Давид был выше всех этих мелочных обывательских представлений о полном счастье. Он знал, что для достижения полной гармонии и соприкосновения со счастьем достойного бытия ему необходимо покинуть свою многострадальную и разодранную в клочья родину. Переехать в одну из замечательных тихих горных стран Европы, чтобы утром, сидя на собственной веранде, на берегу горного озера, любоваться умиротворённым розовым восходом и потягивать настоящий чёрный кофе, приготовленный белозубой мулаткой, кружащей тут же у его ног. И ни одна извилина не должна зашевелиться от мысли о недостатке денег. Денег должно быть так много, чтобы... чтобы... А вот здесь интеллект нашего героя давал сбой. Дело в том, что во времена Советов понятие «много денег» сильно затёрлось и гипертрофировалось. Жизнь от зарплаты до зарплаты делала цикличным и размеренным существование советского гражданина, которого почему-то везде, где хотели унижить или приструнить, называли строго и грозно «товарищ». От этого слова люди дёргались, зная: после сказанного последует пинок или удар в лицо. Когда в очереди за дефицитом сзади слышалось: «Эй, товарищ, ты чего?», это означало – могут плюнуть в рожу. Когда на работе начальник переходил на официальный тон и вместо дружеского «Иван Петрович» выдавливал из своей директорской жёлчной железы: «Товарищ Сидоров!», все понимали: жди беды. А платили тоже «по-товарищески». Инженер – сто десять, старший – сто двадцать, ведущий – сто сорок. Понятие «много денег» варьировалось от эквивалента средней зарплаты у холостяков и десятки, спрятанной в трусы у женатиков, – до тысячи рублей «новыми» у более денежной части населения. К такой части относились официанты, бармены, парикмахеры, таксисты, мясники, все работники розничной

торговли, маклеры и проститутки. Я не беру тайных теневых воротил цехового бизнеса. О них речь не идёт. У них связи были теневые, скрытые от обывателя, пролежавшего бока и просидевшего зад в НИИ. И они чаще других общались тоже с товарищами, но в погонах. И это общение проходило до тех пор (и то если ещё повезёт), пока они могли договориться или не попасться. В противном случае для «товарищей в погонах» теневики становились «гражданами», а это куда более как опасно.

Итак, понятие денег, а тем более больших, в то светлое время было очень относительно для среднестатистического гражданина. Для господина Рома сумма вырисовывалась большая, но точных размеров он не улавливал, тем более когда рубль терял в весе каждый день. И уже обладателями десятков и сотен тысяч становились школьники, которых послали в булочную, дав денег на хлеб, молоко и сыр. А обладатели стареньких «Жигулей», а тем более малогабаритных квартирок, становились автоматически миллионерами. Но одно Ром знал точно: денег должно быть очень много. А нестабильность рубля необходимо компенсировать иностранной валютой.

Познакомившись с тайной замечательной каморки и её обитательницей, Давид загорелся энтузиазмом достижения новых вершин в получении банкнот разного уровня и желательно иностранного производства. У него созрел план, началом реализации которого должна стать газета из недалёкого будущего.

Как известно, изворотливость и смекалка всегда с лихвой покрывали недостаток большого ума и аналитической дедукции с построением строгой логической цепочки предстоящих событий. Смекалка Давида не подвела. Однажды ему подвернулся случай. Заболел ночной сторож супермаркета Иннокентий Пантелеев. Мужчина положительный, но срывающийся иногда, как многие ищущие личности, в штопор запоя. Он сорвался. Сорвался всерьёз и надолго. Все засуетились, заохали: что, мол, делать? Сигнализации как таковой в магазине не было. Была кнопка вызова наряда милиции. Но её кто-то должен нажимать, случись чего. И Давид выступил спасителем материальных ценностей, предложив свою кандидатуру на подмену ушедшего в астрал сторожа. Катя не очень радостно восприняла это событие, но ответственность материального лица переборола в ней похоть молодой самки, и она согласилась, надеясь, что это всего лишь на один день, пока не выйдет на работу сменщик Пантелеева – Косолапов.

Давид заступил на смену и стал ждать ночи. Он сомневался – всё ли правильно рассчитал, а поэтому решил попробовать достать две газеты. Одну – перед полночью, а вторую – сразу после ноля часов.

Ночь в супермаркете будоражит слабонервных, пугает впечатлительных и разжигает жажду наживы алчных натур. Давида эта ночь манила своей интригой. Прав ли он окажется?

За несколько минут до полночи новоиспечённый сторож угостил серую помощницу кусочком халвы, и она достала ему газету, которая увидит свет... через неделю, начиная от сегодняшнего дня. Это был успех, и он, удовлетворившись им, не стал продолжать эксперимент после полночи. Всё стало по местам.

Информация из газеты давала ему преимущество в виде временного гандикапа над остальными людьми, гадающими: что будет на этой неделе? Он знал наверняка, что произойдёт. Ну, конечно, в пределах информации из источника, предоставленного серой актрисой.

Глава V

Время оракулов, провидцев и предсказателей

Тем, кому довелось жить во времена великих перемен, хорошо известно: переходные периоды жизни любого государства характеризуются многими типичными факторами. В это время происходят почти всегда одинаковые вещи. Возрастает интерес к политике и экономике у домохозяек. В магазинах всё дорожает. Улицы перестают подметать. Прорывает канализацию. Народ узнаёт много нового о своих бывших руководителях, и... появляется огромное число магов, колдунов, предсказателей и оракулов. Начало девяностых годов в России не было в этом отношении оригинальным. Тысячи прорицателей, колдунов и ведуний заполнили рекламные блоки газет, журналов и пустые места грязных столбов своими объявлениями. По телевизору перед миллионной публикой выступали потомственные лекари, заряжавшие воду и кремы, рассасывающие келоидные рубцы у всех без разбора. Лечили ночной энурез и бесплодие. Снимали порчу и проклятие безбрачия. Колдуны делали заговоры на деньги, потенцию, верность и непорочное зачатие. Газетные публикации рассказывали о появлении где-то то ли на Алтае, то ли в Крыму мальчика-инопланетянина, прибывшего спасти нашу планету. Мальчик был настолько силен по мужеской части, что от него понесли все жительницы близлежащих деревень и даже одна тельная корова.

Все предсказатели и потомки ветхозаветных старцев, все двоюродные внуки Брахмапутры и племянники Заратустры, все родственники пророка Валаама, лично знакомые с его смышлёной ослицей, – слава тебе, боже, были не идейные. Точнее, идейные, но насчёт денег. И они трудились «не покладая, засучив, умножив старание». Однако проклятый Карл Маркс своим трудом «Капитал» не только взбудоражил умы революционеров, но и доказал, что конкурентная среда ведёт к потере прибыли. Конкуренция ведьм, вурдалаков, колдунов, предсказателей и «психотэрапэвтов» так возросла, что колдовская братия сильно снизила цену на свои услуги. Для борьбы со всё прибывающими, словно на шабаш, новыми сынами пришельцев и дочерьями белого братства существующим и практикующим пророкам пришлось срочно собирать съезд работников потустороннего мира, дабы упорядочить свою чёртову (в прямом и переносном смысле) деятельность. Были приняты правила назначения цен на услуги. Осудили попытки демпинга и бонусов. Хотели ввести правила запрета на деятельность лиц из бывших «партийных». Однако их оказалось большинство, и предложение не прошло из-за меньшинства проголосовавших «за люстрацию». А народ к ним всё шёл и шёл. Не найдя правды в запутанных коридорах исполнительной власти и будучи не в состоянии получить профессиональную медицинскую помощь в рухнувшем Минздраве, люди погрузились в плотное общение с миром духов, тайных сил, заклинаний и приворотов через многочисленных самозванцев, проводников и колдунов. Не оставили магов без внимания и органы, призванные контролировать порядок в стране. Они честно обложили всех колдунов данью, периодически отбивая и защищая от своих сослуживцев и друг от друга.

Служители культа плакали по ночам и увещевали в дневных проповедях о грехе подобных предсказаний. Но вскоре и сами стали оказывать услуги подобного характера по заниженным ценам и сумели отнять часть клиентов у воротил потустороннего бизнеса. Однако наученные суровой советской действительностью люди верили больше тайным авторитетам сакрального мира теней, чем официальным представителям легальных конфессий. А церковникам пока ещё по советской привычке молча кривили рожи в уходящую спину и показывали фиги, держа руки в пустых и драных карманах. Советская власть сильно подгадила легальным служителям культа. Народ был оторван от церкви. Он потянется туда очень скоро, чтобы неистово креститься на все купола без разбору и носить золотые вериги в полкило весом. А пока... Очень часто решения крупных нуворишей-бизнесменов принимались на кухне оче-

редной ясновидящей. Они получали откровения в промежутках между приготовлением ею яичницы и прогулкой со своей бельмастой и кривой собакой. Неглупые, с университетским образованием люди всерьёз обсуждали возможность узнать намерения конкурентов у ведуньи. Обратившись к полоумной и безграмотной «потомственной прорицательнице», бывшей посудомойке из больницы для душевнобольных, которая за определённую сумму, бросив засаленную колоду карт на стол, грустно кивая немойтой головой, говорила, что на клиента наложен чёрный заговор, они охали и верили!

Её предсказание пугало и заставляло забыть о конкурентах. После выплаты дополнительных премиальных проклятие снималось и счастливый посетитель, не помня, зачем приходил, спокойно шёл домой, радуясь снятию чёрного навета.

Наш герой понял тягу народа к сверхъестественным силам правильно. Есть спрос – должно быть и предложение. Конкуренции он не боялся, так как по сути своей был уверенным человеком и к тому же имел в рукаве туза в виде очень свежих номеров газет. Поскольку работа по разгрузке продовольственных товаров не вдохновляла к творческому подходу и не сулила карьерного роста, Давид решил стать пророком. Он готовился недолго, но тщательно. Катина квартира была превращена в приёмную потомственного предсказателя и чёрного мага, о чём было сделано несколько объявлений в местных газетах и расклеены бумажки с отрывными номерами телефонов на остановках общественного транспорта, около рынка и вблизи учебных заведений. Короче, в тех местах, где собирался потенциальный клиент. Деньги на эту затею практически не требовались, а небольшую сумму новоиспечённый маг занял, естественно, у возлюбленной. Катя вначале удивилась новому начинанию Давида, а потом, может быть что-то уловив, даже помогла в подборе и создании определённого антуража в будущей приёмной. Установили на столе старый глобус, прикрыв его газовым красным шарфом и подсветив старой лампой-ночник. Безвкусно, но щедро натыкали свечей по углам и повесили репродукцию картины неизвестного художника, изображавшую глуповатого на вид филина с огромными блюдечными глазами.

Давид перед началом первого рабочего дня внимательно изучил местную газету из недалёкого будущего, которую добыл в подсобке накануне. Мышка стала приносить и местные газеты, чередуя их с центральными. Он выделил несколько фактов. Первое – курс рубля к доллару США, погоду на предстоящую неделю и происшествия. В рубрике происшествий значились два: украли колёса «мерседеса» мэра города и разбили стекло в ресторане «Ветер перемен». Так себе новости, скажем прямо. А центральными новостями жителей Земска заинтересовать не представлялось возможным. До Москвы далеко, а до бога, как известно, трудно достучаться. Но объявление вышло, и он ждал клиентов, вооружённый хоть какой-то информацией.

Однако воспользоваться полученной информацией оказалось не так просто, как виделось вначале. Колёса для мэрской машины украдут. Это факт. Но как правильно предсказать и донести в нужные уши? Прямого выхода на мэра города он не имел, и продать информацию было непростым делом. Не пойдёт же он к нему и не скажет: «У вас снимут колёса». Да его же и задержат, за намерения. Уголовный кодекс Давид немного знал...

Он стал ждать удобного случая. Благо времени до совершения акта вандализма ещё было достаточно. Дела поначалу шли очень вяло. В первый день появился восторженный влюблённый мальчишка с выпученными глазами, неопрятной причёской и запахом изо рта, постоянно открывающегося, словно у засыпающего карася. Рот этот был ярко очерчен на прыщавом, блестящем лице. Отрок умолял приворожить свою учительницу английского Виолетту Карловну Розенфельд.

Маг выслушал первого клиента обстоятельно и вдумчиво. Поколдовал над фотографией очкастой фурии в парике. Взял за визит десять долларов и посоветовал сходить по адресу, который он указал в записке. Это был адрес весёлого дома, чьё объявление размещалось в

той же газете, что и объявление мага, только ниже по тексту. «Девушки, не обременённые чувством стыда, ждут вас в гости». Немного успокоенный страдалец ушёл, нервно зажав записку с адресом в кулаке.

Второй посетитель был сотрудник банка. Маг оживился, вспомнив статью о резком взлёте курса валют. Но предложение продать ему информацию о предстоящем взлёте не заинтересовало банковского служащего. Он только махнул рукой – мол, и так всё ясно. Его беспокоило явно другое. Человек глубоко боязливый, но вороватый, он умолял снять с него проклятье на страсть к чужому.

– На воровство? – прямо поинтересовался немного расстроенный Давид.

Посетитель покраснел детским румянцем, закатил глазки, сложил ручки лодочкой между колен и медленно кивнул головкой.

– Да...

– Ну, господин, это к вашей матушке. Здорова ещё старушка?

– Здорова... Что ей делается. Сидит.

– В каком смысле? – заинтригованно спросил прорицатель.

– Сидит за воровство колхозного имущества...

– О, значит, я в точку. Это у вас наследственное... Да, случай тяжёлый. Меньше чем за полтора доллара и не возьмусь... Да и то, – Давид мельком глянул на посетителя из-под руки, подпиравшей лоб, оценивая его реакцию, – с условием полной конфиденциальности. Знаете ли, дела уголовного порядка... и всё прочее...

– Да это пожалуйста... А то мой сосед... Он ко мне по ночам приходит... Наручники показывает... И всё намекает... Ну, вы понимаете...

– Ну, статья о мужеложстве осталась в проклятом советском прошлом... Хотя я этого увлечения не понимаю. Так много дам... – съязвил предсказатель.

– Да нет... – слегка улыбнулся клиент. – Он ко мне во сне приходит. С наручниками. Он в милиции работает. Грозит, что посадит.

– Ах, в этом плане! Ну, тогда начнём. Кайтесь.

– Что? – испуганно каркнул гость.

– Кайтесь, как на исповеди: что берёте? Как часто? Ну, и тому подобное...

– Беру... – Работник банка мялся, дёргал себя за пуговицы на куцем пиджаке, пускал слюни и наконец выпалил:

– Беру всё... если никто не видит, – и обмяк с облегчением.

– Воровать, конечно, грех. Но я не служитель культа, индульгенцией не торгую. Десятину не требую. Это прерогатива священного синода со своими подчинёнными попами. Я беру честно, за науку... – лекарь душ задумался, подыскивая подходящее слово: – ...за науку... побеждать. Победа над собой самая сложная, поверьте моему опыту. Значит так... – Маг побарабанил пальцами по столу, за которым сидел, полистал толстый еженедельник с надписью «Октябрьский райпищеторг», позаимствованный у Кати, посмотрел на многочисленные записи в нём типа «Зинке – триста, за левак», «Наверх двести. Ежемесячные одобренные...», «Пятьсот кг в обувь торг бартер... Яков Львович знает» и, не сильно вникая в их смысл, продолжил тихо, но зловеще:

– Заклинание подействует через десять дней. Не раньше. Помните одно. Если возьмёте чужое, на ладошках вырастут волосы, а на голове выпадут. – Потом, глянув на наметившуюся плешь на голове страждущего исцеления, добавил: – У вас процесс уже начался.

Мелкий клерк коммерческого банка невольно пощупал голову рукой, осмотрел свои ладони и тоже тихо спросил:

– А это разве от воровства?

– А вы как думали!

– Так, значит, и там, – посетитель указал пальцем в потолок, – тоже этим страдают?

– Через одного! – зловеще, но с весёлым взглядом вещал Давид.

– Как это?

– А то вы не знаете! Только ленивый об этом не говорит в открытую. Даже анекдот такой.

Смотрите: Николай II был волосатый. Так?

– Наверное, – неуверенно ответил воришка.

– Точно, с гривой. Дальше Ленин – лысый! Потом Сталин – опять с шевелюрой, далее Хрущёв – как коленка! После Леонид Ильич – чернявый, волосатый и бровастый. Потом Андропов – лысый и картавый...

– А картавость что?

– Это вторичный признак... У Ленина с Андроповым. Значит, воруют без страха, а всех за воровство журят и карают. Теория! Научный факт.

Посетитель оглянулся на дверь. Давид, махнув рукой, мол, «не волнуйтесь, сейчас можно, времена не те», продолжил:

– Далее Черненко. Волосатый, хоть и сед. Потом Михаил Горбачёв – лысый, да ещё с отметиной! Ну и теперь Ельцин – волосы, как у Карла Маркса, – честный. Проверено. У всех сходится.

– Да ну? – прикрыв рот, ахнул воришка.

– Однако вернёмся к теме нашего сеанса. Прошу деньги... Так, считаем... правильно. Закройте глаза... – И Давид, походив вокруг стула с сидящим на нём вороватым клерком банка, щёлкнул его по носу, достаточно больно. Пациент стойко перенёс удар пророка, приняв его за удар сверху в наказание за прошлые грехи, и, чуть сморщившись, ойкнул.

– Можете одеваться. Сеанс окончен.

– А я одет...

– Ну, в смысле вставать и идти. Результат через десять или чуть больше... дней. – И он вытолкнул посетителя за дверь.

Больше в тот день клиентов не случилось.

А между тем, уволенный с работы грузчика по собственному желанию, наш герой посещал заветную каморку с постоянством любовника, посещающего одинокую, но богатую вдову. Повод находил разный. Катя догадывалась о цели посещения. Она доверяла ему бесконечно и выдавала ключ по первому требованию, понимая улыбаясь, словно говоря: «Для новой работы, ясно».

Серая артистка совсем привыкла к своему кормильцу. Газеты Давид аккуратно складировал в своём рабочем кабинете пророка, не совсем понимая, как их можно приобщить к делу. Идеи были, конечно. Особенно одна – со свежим номером недельного срока в будущее. Но об этом чуть позже...

Вначале после своего открытия о тайных посланиях Ром даже хотел пристроить сведения о будущем какому-нибудь государственному органу власти. То есть продать будущее. Непонятно? Ну, к примеру, скажем, прийти в серьёзное госучреждение и сказать: «Я знаю, что в 1998 году будет хреново!» «И что?» – задавал он себе вопрос. Что мне скажут канцелярские ревнители очков и налокотников? «Пошёл вон», – ответят в лучшем случае. И будут правы. Идиотов сейчас полно. Кто ему поверит? Нужно имя! Клиентура и достойная реклама.

Позже он думал найти богатого коммерсанта и предсказывать ему все предстоящие метаморфозы в мире экономики, имея свой постоянный процент. Но знал – и тот не поверит! Кто он такой. Опять же – имя! Клиентура. База. Поэтому начал с частной знахарской практики. Конечно, изощрённый в коммерции читатель уверен: «Эх, мне бы его знания!» Но, подумав как следует, тоже стал бы сомневаться. Как доказать, что ты прав? Кто тебя воспримет всерьёз? Вот и Давид стал подбираться к реализации плана издалика.

Постепенно новоиспечённый маг и предсказатель обрастал клиентурой. Слухи разносились, как июньский тополиный пух ветренным днём. Заслуга в том была отчасти и Катина.

Она запальчиво и в красках описывала чудесные возможности Давида своим подругам: сидя в парикмахерской под сушиаром, принимая товар на работе, встречаясь случайно с ними в автобусе. Её в городе Земске знали многие. Как, впрочем, и других жителей. Население города в основном состояло из постоянных обитателей. Оно было таким немногочисленным, что на карте России сей населённый пункт отмечался шрифтом как малый, с населением до трёхсот тысяч человек. Что не мешало ему называть себя гордо городом и даже иметь настоящего мэра, который, как уже упоминалось выше, любил ездить на «мерседесе». Слухи дошли и до него. Точнее, до его жены, женщины практичной во всех отношениях, но глупой и взбалмошной. Узнав от жены бывшего директора торгового предприятия, который сожительствовавший с товароведом оптовой базы, являвшейся подругой Кати, о новом чудо-знахаре, она явилась к Рому на приём, даже не предупредив его.

Как-то днём Давид сидел за столом и читал послания будущих поколений из архива, любезно предоставленного ему мышкой-норушкой. Раздался звонок в дверь. Звонили резко и настойчиво. Катя была на работе, обеспечивая жителей Земска товарами первой и не очень первой необходимости, так что прорицатель открыл дверь сам.

На пороге стояла радостно-взволнованная полнотелая дама. Вульгарный бриллиантово-меховой лоск дамы сулил хороший гонорар. Сердце прорицателя застучало в такт музыке полкового оркестра, играющего «Встречный марш», а в ушах стал нарастать звон падающих монет. Не поздоровавшись и не попросив разрешения войти, дама, бесцеремонно оттолкнув Давида в сторону, внесла своё тело в квартиру.

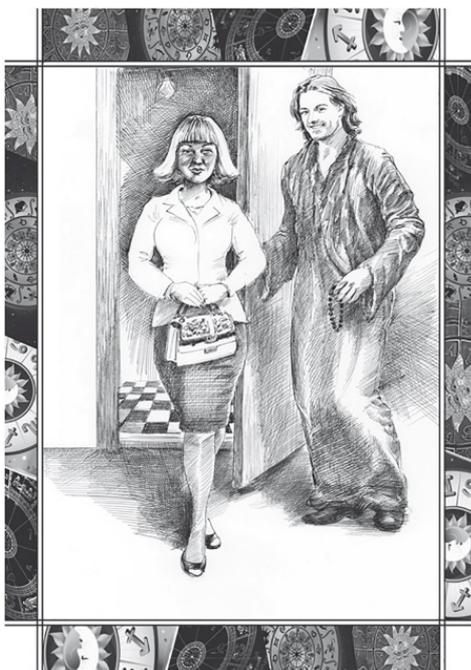
– И в этом убожестве живёт великий прорицатель... – осуждающе констатировала она.

Уловив повелительные нотки в данном высказывании, Ром чётко определил высокое место гостьи в табели о рангах провинциального захолустья и, сразу уразумев тактику своего поведения, покорно сложил руки лодочкой у груди и молча поклонился. Это несильно удивило даму, но заставило немного поубавить спесь. Она, всё же сохраняя высокомерие в голосе, спросила:

– Вы, что ли?

Давид опять промолчал и, не поднимая головы, указал гостье на дверь, ведущую в его «кабинет», лёгким движением плеча. Жена мэра повиновалась и вошла, тревожно оглядываясь и рассматривая хозяина и не понравившиеся ей довольно приличные пенаты.

Через четверть часа беседы с прорицателем Инна Михайловна (так звали даму) смотрела ему в рот и глупо хлопала глазами. Давид искрил! Он рассказывал о четырёх Великих и двенадцати Малых пророках из Ветхого Завета, который часто называл Торой. Упомянул зачем-то Законы Хаммурапи и Розеттский камень. Вплёл в тему монолога Гогу и Магогу. Слегка коснулся истории капель, упавших из копья богини Амаэрасу и превратившихся в Японские острова. И закончил описанием предсказаний друидов. Всю эту горячую смесь Давид изучил на верхней полке поезда Москва – Владивосток, в котором он путешествовал в прошлом году. Дорога была длинной. Книга, разоблачающая пагубное влияние религии на разум человека, была одна. Он нашёл её тут же, на полке. Кто-то оставил сие издание советских времён под странноватой аббревиатурой, отдающей востоком, – «Учпедгиз». И только осилив премудрую галиматью, написанную, впрочем, неглупыми людьми, Давид прочёл на обороте, что «Учпедгиз» – вовсе не киргизская фамилия, а учебно-педагогическое издание. За неделю путешествия Давид мог вполне читать лекции студентам Высшей партийной школы на тему «Религия на страже империализма и милитаризма». Знания пригодились и сейчас.

Постепенно новоиспечённый маг и предсказатель обрстал клиентурой.

Инна Михайловна слушала, заламывая руки, и тихо постанывала. Она была покорена утончённостью повествования и глубиной познаний. Давид с видом кающегося отшельника говорил, глядя куда-то вдаль, и прикидывал, сколько может принести ему общение с попавшей в сети «прихожанкой».

Закончив проповедь, прорицатель низко склонил голову и тихо спросил... тихо, но фамильярно:

– Что привело тебя... душа моя?

– Ох, – заёрзала в креслице дородная тётушка, – привело, ваше... э... ваше... как обращаться-то?

– Просто учитель, – сказал Давид и очень обрадовался только что придуманному названию своего статуса.

– ...учитель. Да... конечно. Я хочу знать... Но прежде хочу покаяться... А батюшка наш занят. Они с помощником... дьяконом, или как там у них, – лавку открывают. Ну, знаете... картинки, свечи... Да и в городе ларьки... сигареты. Водка тоже. У них хорошая... Муж говорил, им разрешили безакцизную торговлю... Всей церкви... Ну, вообще всей по всей стране... Так что он занят, а я, значит, – к вам...

– Вижу, вижу, – скорбно кивал Давид, не глядя на покорённую его обаянием толстушку. – Можешь ничего не говорить. Грех твой хоть и велик... но не такой, чтобы не получить прощение. Только я не храмовый служитель. Водкой безакцизной с сигаретами не торгую. Не повезло. Однако моё отличие от них не только в том. Я не посредник общения с ним. – Давид поднял глаза кверху. – Также я не нуждаюсь и в посредниках между мной и небесами. Мой путь особенный. Я не апостол и не отшельник. Мне не чужды плотские утехы и житейские развлечения. – Давид косился на реакцию вперившейся в него женщины и менял русло своего монолога соответственно её выражению лица. – Поэтому скажу так: если человек осознал свою греховность, он уже прощён.

– Я осознала, осознала, – забарабанила прима местного бомонда и королева провинциальной тусовки. – Каюсь. Видит бог, каюсь. – Она стала неистово креститься, путая очерёдность прикосновений к плечам. Потом наклонилась к Давиду и, оглядываясь, прошептала:

– А на любовь можете заговорить? – и, сильно покраснев, жеманно повела головкой.

– Любовь... Ну, любовь приходит как снег на голову, как гром среди ясного неба и как налоговый инспектор перед снятием остатков кассы. Любовь никто не может призвать. А что, с мужем... никак?

– Он просил никому... Но вам – скажу. Он у меня переработался. Он же мэр нашего города. – И она обвела глазами всё вокруг, подчёркивая, вероятно, необъятность власти её мужа.

Услышав слово «мэр», Давид едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от удовольствия. Надо же! Сама удача идёт в руки. А мадам продолжала:

– Не может исполнять свой долг... – И шёпотом что-то добавила, наклонившись к Давиду в самое ухо.

– Ах, в этом смысле. Ну, это дело поправимое.

– Правда?

– Есть у меня средство. Друг привёз от тибетских монахов. Он там подрабатывал чтением лекций о пагубности влияния марксизма-ленинизма на развитие религиозной сознательности масс.

Толстуха всплеснула руками.

– Да что вы? А я считала, они замкнуты в своём уединении.

– Замкнутость не отрицает нахождение в курсе мировых событий, мадам.

– И сколько стоит это средство? – Мадам полезла в сумочку, висевшую у неё на мощном плече.

– Ну что вы. Я себе не беру... А другу нужно отдать двести долларов США. Монахи, знаете ли, пока не оценили перспективы брать нашими рублями. Отсталый народец... Средневековье.

– Ох... – покачала головой мэриша. – Дороговато, конечно... Но... Хорошо. Вот.

Получив двести новеньких, хрустящих бумажек с изображением то ли евнуха в шарфе, то ли старушки пред последним сватовством, Давид почувствовал прилив вдохновения. Он протянул даме непрезентабельную баночку с чем-то серым внутри. Мадам подозрительно и брезгливо приняла тибетское средство, заготовленное накануне Давидом, ожидавшим чего-то подобного от посетителей. Снадобьем был обыкновенный мел с добавлением муки низкого сорта.

– И как его... Ну это... применять? – рассматривая снадобье, спросила дама. – Втирать, что ли? – И она лукаво и игриво чуть толкнула Давида локтем.

– По четверти чайной ложки на одну кастрюлю первого блюда. Остальные три четверти добавлять при стирке его нижнего белья в порошок.

Мадам подозрительно задумалась, но спрятала баночку в сумку. А Давид зачем-то закрыл глаза и прочёл мадам Инессе как-то уж совсем некстати несколько строк:

Второе Рождество на берегу незамерзающего Понта.

Звезда Царей над изгородью порта.

И не могу сказать, что не могу жить без тебя – поскольку я живу.

Как видно из бумаги. Существую; глотаю пиво, пачкаю листву и топчу траву.

Эти строчки Давид выучил в том же путешествии на верхней полке, между чтением лекций «Учпедгиза» и пьянством тёплой поездной водки. Они были нацарапаны его несчастным предшественником, отлежавшим, видимо, бока на жёстком диване, прямо на стене под самым потолком. Давид читал строки и перед сном, и днём, и утром. Не мог не читать, так как они были нахально нацелены на его глаза. Странноватые строки прочно врезались в молодую

память и теперь позволяли искрить при необходимости своим утончённым вкусом пред провинциальными простушками.

– Это ваши... стихи? – продолжая смущаться, промурлыкала жена мэра.

– Моего друга. Он уехал и пишет оттуда... письма. В стихах. Кстати, модный поэт. Был запрещён. Советую.

– А как его фамилия? – неловко улыбнулась мадам.

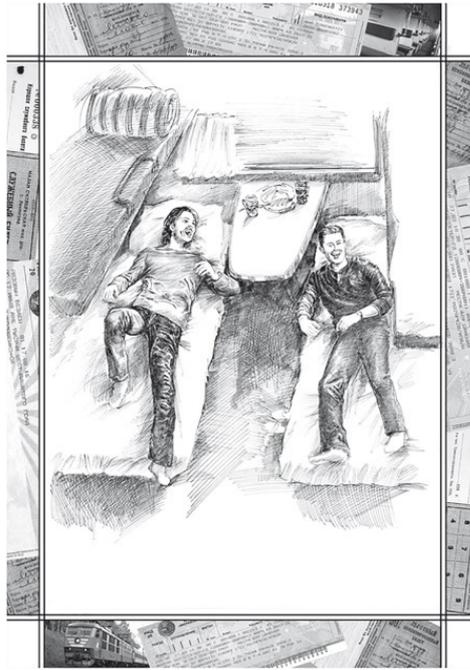
Давид тут же вспомнил нацарапанные каракули и подпись под ними – «ибродский». Все буквы одного размера. Без заглавной. А первая «и» предательски срослась с фамилией. Ром улыбнулся восставшей в памяти истории. Перед ним всплыл образ соседа по плацкарту, с которым они иногда для разнообразия менялись полками. Тот тоже читал надпись и, желая блеснуть эрудицией, шпарил наизусть зазубренные строфы проводнице, ходившей всегда с веником в руке и папиросой во рту. Долгая дорога, выпитое спиртное и тоска вынуждали соседа Давида очаровывать беззубую хозяйку вагона. В том числе и стихами, въевшимися в память. Он их читал, добавляя в конце: «Это стихи Ибродского». Проводница не обращала внимания на странные ухаживания, продолжала бурчать и подметать грязные полы вагона... Длинное путешествие иногда скрашивали часы, когда в купе оставались только два пассажира. Он и его сосед по плацкарту. Тогда товарищи ложились на нижние более широкие диваны и подолгу болтали. И это уже было повышение в статусе пассажиров. Помнится, тогда Давид вывел для себя одну формулу. Она была навеяна дорогой. «Вот так и в жизни, – размышлял он. – Кто-то едет с удобствами, кто-то ждёт, когда освободится более комфортное место, а кто-то подметает пол. Но все всё равно в одном вагоне. И едут с одинаковой скоростью. Вот только станции назначения у кого раньше, у кого позже... И покидают вагон жизни пассажиры поезда под названием «земной путь» не с чемоданами, а под прощальные речи подвыпивших на поминках сослуживцев и плач безутешных вдов, которые в уме прикидывают, как распорядиться свалившимся на голову наследством. И место ушедших навсегда займёт новый пассажир, устраиваясь поудобнее и намечая грандиозные планы на предстоящее путешествие. Поначалу он с удовольствием смотрит на прыгающие вверх-вниз росчерки проводов за окном, на мелькающие столбы, на пролетающие мимо леса, поля, города, полустанки. Восхищение от дороги проходит довольно быстро, и вскоре путь становится нудной рутинной. Он не задумывается в это время ни о машинисте, ни о погоде, ни о стрелочнике, от которого зависит многое. Он считает себя творцом своей судьбы... И совершенно напрасно. Что он может изменить, находясь в вагоне? Место на освободившейся полке занять? Сходить в туалет или вагон-ресторан? Но от этого не изменится ни место назначения прибытия состава, ни время. А машинисты, периодически сменяя друг друга, ведут состав по пути, намеченному диспетчером и отрегулированному обычным стрелочником, может быть случайно, с похмелья перепутавшим поворот рычага...

Давид улыбнулся воспоминаниям и философским размышлениям, которые навевала ему в своё время долгая железнодорожная прогулка. Да... он улыбнулся воспоминаниям. Потом хмыкнул и грустно ответил Инне Михалне:

– Хм. О! У него прекрасная русская фамилия – Бродский.

– Ах, ну да. Я слыхала. Иосиф Бродский! Конечно. Обязательно возьму в нашей библиотеке. Иван Львович уделяет много внимания развитию культуры в нашем городе...

Далее жена городского головы прочла небольшую лекцию о роли её мужа в повышении культурного уровня горожан в Земске. Привела ряд статистических данных по увеличению числа читающих граждан в сравнении с 1913 годом. И красочно закончила: «Дайте срок! То ли ещё будет!» Причём в слово «срок» она вкладывала вполне реальный смысл ещё одного срока правления мэра.

Длинное путешествие иногда скрашивали часы, когда в купе оставались только два пассажира.

Давид бесцеремонно прервал затянувшийся словесный поток:

– Я не судья и даже не прокурор. Срок обещать не могу... На этом закончим.

Он поднялся и слегка наклонил голову. Окрылённая беседой с «умопомрачительным» провидцем и снабжённая чудесным тибетским средством от мужского бессилия, Инна Михайловна поехала к подруге делиться впечатлениями, а Давид, написав от руки на листке в клетку «Приём окончен», пригвоздил его к двери. Рабочий день прорицателя закончился.

Глава VI

Здравствуй, господин мэр

Так уж сложилось, что наша планета поделена на континенты. Континенты – на страны. Страны – на республики, кантоны, земли, княжества, воеводства, округа, коммуны, автономии и так далее. И везде без исключения есть города. Если посмотреть в энциклопедию, то мы увидим сухие строки определения города, обозначенного как «крупный населённый пункт, жители которого заняты, как правило, не сельским хозяйством. Имеет развитый комплекс хозяйства и экономики, является скоплением архитектурных и инженерных сооружений, обеспечивающих жизнеобеспечение населения. Исторически термин происходит от наличия вокруг поселения оборонительной ограды – вала или стены».

Город Земск не вписывался в это академическое определение. Он не был «крупным». Жители, вопреки классическому определению, практически все занимались подсобным сельским хозяйством, выращивая на клочках земли, а иногда на балконах и даже подоконниках всё, начиная от герани и заканчивая лимонным деревом. Не говоря уже об огурцах и картошке. Некоторые более продвинутые граждане ухитрились выращивать и странную траву, утверждая после на суде, что название «конопля» им абсолютно ни о чём не говорит, а трава выросла сама по себе. Развитого комплекса экономики Земск не имел. Скоплением архитектурных и инженерных сооружений похвастаться не мог. А стены или вала вокруг города никто не помнил.

Несмотря на это несоответствие, Земск гордо носил имя «города» и имел своего мэра. Правда, мэром руководитель стал обзывать совсем недавно. До этого он был первым секретарём горкома и делил свою власть с исполкомом, иногда до хрипоты доказывая руководящую и направляющую роль партии в руководстве. Но настали времена, и первый секретарь, порвав на площади перед собравшимися жителями свой партбилет, стал мэром. Название «мэр» обнадёживало и настраивало горожан на позитивный лад.

Время летит быстро. Вот и первый срок его «мэрства» подошёл к концу. День молчания остался за бортом, день выборов прошёл как-то вяло и... с неожиданным результатом. Поскольку за время правления в новом качестве больших свершений не было... Точнее, были небольшие, и то связанные со скандальным провалом сноса памятника Ленину в центре города да неудачной попыткой переименования города Земска в Перестройск. И, учитывая неяркие достижения за время своего правления, мэр очень боялся новых выборов. По вопросу предстоящих выборов проводились совещания, собрания, встречи с избирателями. Выездные бригады нанятых артистов давали бесплатные концерты в потрескавшемся здании Дома культуры, призывая речёвками под пионерский марш на месте голосовать за свое будущее, то есть за действующего мэра.

Хватит плестись нам в хвосте!
Рынок, богатство, карьера —
Лозунги наши теперь уж не те!
Проголосуем за мэра! —

маршируя на сцене, звенели нестройными голосами ученики школ. Многим не нравилось содержание речёвки. Однако трудноуловимый смысл стиха компенсировался задорной бойкостью и вдохновенными взглядами юных «перестройщиков». Пенсионерам раздавали проверенный временем «электоратский» набор – килограмм гречки, банка тушенки и бутылка водки. Всем бюджетникам выплатили зарплату, изъяв деньги из статьи ремонта дорог. Отремонтировали пятьсот метров тротуара вокруг мэрии, изъяв средства из статьи социального обеспечения малообеспеченных семей, построили дорогу к дачному посёлку мэра и его окружения и про-

вели красочный салют, окончившийся большой дракой и двумя сгоревшими ларьками, торговавшими пивом по «социальным» ценам. На большее фантазии штаба выборов в поддержку кандидата не хватило. И... этого оказалось недостаточно. Дело дошло до второго тура.

Второй кандидат – выскочка и дебил, по словам Инны Михайловны, как мы уже знаем, жены мэра, был «крестьянин крестьянином! Но упорный и настырный». Он построил предвыборную кампанию на обещаниях всех накормить, напоить и обогреть. Намекая на прогнившую котельную и проржавевший водопровод. И это сработало. Голоса разделились между кандидатами.

Давид Богданович Ром, как вы уже знаете, прибыл в Земск накануне дня голосования. Став случайным свидетелем проведения дня тишины в местном парке и оценив надписи на стенах здания вокзала, он понял: город хочет быть покоренным и никуда от него не денется. Ровно поэтому он занялся более насущными и важными делами, чем перевыборы мэра. Читатель тоже об этом уже оповещен.

А тем временем Иван Львович Голова... Да-да, именно такая фамилия была у мужа Инны Михайловны и по совместительству мэра города Земска – Голова. Так вот, Голова, о чём говорилось ранее, не выиграл выборы, но вышел во второй тур. И то благодаря правильному подсчету и воинской части, расквартированной на окраине Земска. Командир части был другом мэра. Они часто отвлекались от дел насущных и забот немалых в полковой бане, где и обрели тесную дружбу и взаимоуважение, долбя друг друга вениками по распаренным мраморно-бордовым бокам.

Весь личный состав, около тысячи человек, в пешем порядке обошёл все избирательные участки города и... «отдал свои голоса» за друга командира. Но и этого не хватило для победы...

Мероприятия, заранее спланированные «по случаю победы на выборах», пришлось сократить до минимума. Однако выпить и закусить не преминули. Второй тур не за горами, но не завтра. А день был тяжёлый. Расстроенного, выпившего, но не сломленного мэра отвезли домой и передали на руки жене. Инна Михайловна уложила борца за кресло градоначальника в постель и, наполнив при многозначительном выдохе комнату запахом свежесвыпитого мартини, пожелала Ване спокойной ночи. Она выплыла из спальни и пропела себе под нос: «Ах, Ваня, Ваня, Ванечка – районный Голова... Что выбрала тогда тебя, видать, была права». – И, ещё раз тяжело вздохнув, прошла в ванную комнату.

Борьба во втором туре предстояла нешуточная. Надежда была на воинскую часть, кума – председателя избирательной комиссии и счастливую фамилию. Всё-таки Голова. Сколько слоганов и плакатных призывов можно придумать с Головой! «Новый мэр – всему Голова!», «Одна голова хорошо, а две ни к чему!», «Наш кандидат – толковый! Голова!»... прочее. Надежда была. Да и планы у Инны Михайловны и, соответственно, у Ивана Львовича были большими и распространялись далеко за пределы не только района, но и области.

Что касалось оригинальной фамилии, то ранее, в сопливо-золотушном детстве, было не все так гладко. Много хлопот испытал Ваня в своем счастливом пионерском отрочестве, называя фамилию учителям, пионервожатым, да и просто одноклассникам. Клички клеились к нему пачками. Приходилось мириться с кличками типа Головатый, Головной, Головешка, Головкин, просто Головка и многими другими производными от слова «голова». Был период, когда он гордо носил таинственное имя Хет-трик (из английского футбольного жаргона), так впечатлявшее девчонок и являвшееся предметом зависти всех мальчишек двора. Много хлопот ему доставила прилипшая много позже «обзывалка» Головотяп. Ею наградил Ваню преподаватель физики в институте. Но дольше всего он носил странно ассоциировавшуюся с фамилией кличку – Гольий. К ней прибавляли то хвост, то простое русское имя Вася. А потом и вовсе немецкое Вассер. Окончив институт тогда еще в Ленинграде на троечки, Гольий Вассер, он же Иван Львович Голова, был распределен в город Земск на довольно заштатную и

нудную должность. Умея угадывать изменения в стремнине бурной реки под названием «текущая ситуация», Голова – Голый Вассер подсиживал своих менее прозорливых начальников, продвигаясь по карьерной лестнице так легко, словно ехал под горку. Одним из первых он поддержал непопулярный в народе, но пропагандируемый в стране запрет на национальную забаву – пьянку. В городе начались показательные безалкогольные свадьбы и дни рождения. Марафонские забеги под лозунгами «Бежим от водки к светлому будущему» и «Марафонец – он гонец! Не пьет спиртного – и конец!». Как вы понимаете, вдохновителем и организатором всего этого трезвого экстаза стал дальнзоркий Голова Иван Львович. Эти мероприятия, как правило, заканчивались грандиозной попойкой, потому как разливали втихаря из-под пиджака и в чашки чайного сервиза. Но не результат важен, а сам процесс, о котором напишет районная газета и расскажет местное областное телевидение.

Чуть позже, став вторым секретарем райкома партии и заведующим идеологической работой, он перетянул весь город транспарантами, призывавшими к «ускорению», «перестройке», «плюрализму» и «самокритике». Со всех фасадов домов центральной улицы на ошарашенных прохожих навалились своей давящей информацией «Сводки с полей», «Достижения прокатных станков», «Даешь укрепление совхозов!», «Хозрасчёт идёт в зачёт», «Долой кампанейщину и болтовню», «Наш прожектор перестройки выхватил из тьмы застоя недостатки!» и прочую передовую белиберду, которая в тот момент была модной, так как слова «тренд» еще не завезли на просторы необъятной страны. Критика дошла до заоблачных высот. Начальников уже не просто критиковали, а ругали в лицо, и всё это под одобрительные взгляды самого бичуемого и его окружения. Нос по ветру новых веяний необходимо было держать.

Плакаты раздражали горожан, отпугивали бродячих собак и давали прогрессивным художникам волю для разгула фантазии. Их произведения, однако, претерпевали изменения очень быстро. Все без исключения плакатные рабочие и работницы в первую же ночь обросли усами и бородой. Некоторые украсились рогами и хвостами. Надписи дописывались и искажались. Но это было не столь важно. Фотограф райкома партии Семен Абрамович Лупоглаз запечатлел плакатную красоту. Успел он сделать это до преобразования и разместил фото в районной газете. Их подхватила областная «Правда Заволжска», а далее и центральная «Правда». Успех инициативы Вани Головы был оценен по достоинству. После провала городом плана по заготовке, производству, выпуску и наладке – первого секретаря горкома сняли и назначили на его должность молодого и креативного Ивана Львовича Голову. В это же время на горизонте холостяцкой жизни Головы забрезжила статная фигура. И эта фигура, как вы догадались, была Инны Михайловны, в девичестве Савской. Хотя ходили слухи, что фамилию она переделала из Савоськиной. Инна Михайловна взялась за дело покорения сердца своего избранника с большим энтузиазмом, перекрывающим энтузиазм, с которым ее будущий муж сражался за карьерный рост. А тут ещё и секретарь обкома убеждал, что уровень руководителя комитета партии целого города не позволяет такую роскошь, как холостая жизнь.

И союз Савской с Головой благополучно был скреплён печатью и записан в акте гражданского состояния.

Вот и весь краткий портрет мэра города, с женой которого свела судьба Давида Богдановича Рома во время сеанса парапсихологической направленности. (Так обозвал свои приемы сам Давид. Уж как есть. Простите...)

Итак! Осталось два кандидата, за которых отдали равное количество голосов мечущиеся в поисках выгоды избиратели города Земска. Это был сам мэр города Иван Львович Голова и широко известный в узких кругах бывших пламенных коммунистов Тривайло Гаврил Сидорович, человек глупый, упорный и крикливый. Его толкали бывшие партийцы, оказавшиеся отброшенными от кормушки и не желающие с этим смириться. Основной упор он делал на возвращение всех льгот, существовавших при власти Советов, а также дополнительно: повышение пенсии в десять раз, разрешение пенсионерам ходить на красный свет, обслуживаться

в специальных магазинах, участвовать в управлении городом и получать ежегодную премию в размере месячного пенсионного обеспечения. Были и другие громкие и, как вы понимаете, дорогой читатель, невыполнимые обещания, как то: разрешить студентам не посещать лекции и получать стипендию, разрешить мужчинам брать каждую десятую пол-литра в магазине бесплатно, а домохозяйкам – бесплатные междугородние телефонные звонки для более яркой окраски их суровых домашних будней. Он не объяснял, за счёт каких средств достигнет таких результатов, но избиратель не сильно и допытывался. Обещает – молодец. День второго тура выборов приближался...

Иван Львович был в расстроенных чувствах. Да, дорогой читатель, хотя то и были времена ярких перемен, когда можно было выехать на сносе, сломе, срубе, искоренении, уничтожении, переустройстве... Но, когда, не сломав памятник Ленину и снеся с горем пополам старое здание городской бани, деньги закончились (много съел личный алчный характер и непомерные запросы Инны Михайловны), народу нужно было предложить кое-что новое, чего не было в идеях главы города, – тогда-то мэр и сдулся. А Трывайло сыпал обещаниями как из рога изобилия, придумывая всё новые и новые.

Иван Львович Голова и его команда засиживались допоздна в прокуренных кабинетах, ломая голову над новыми идеями завлечь электорат в свои сети. Предложения сыпались одно интереснее другого. Директор городской канализации Вонюкин Захар Захарович предложил бесплатную раздачу на приусадебные участки остатков от своего отходного производства. Плакат, предложенный городским королём дерьма, воды и пара, представлял огромную трубу с выливающимися из неё остатками продуктов жизнедеятельности. На трубу одной ногой наступал кандидат Голова, указывая при этом на стоки двумя руками. Текст гласил: «Удобрения на поля – бесплатно, пользы вашей для!» Ниже надпись: «Обещаю помощь сельхозпроизводителям бесплатными удобрениями!»

Мэр посмотрел на предложенный «шедевр» пропагандистского искусства и, молча покивав головой, очень эмоционально покрутил пальцем у виска, чем вызвал недоумение начальника городской канализации.

– Вы же просили, чтобы каждый на своём месте подумал, как найти путь к сердцу избирателя. Вот я... как мог... А вы... того, – и он повторил жест с пальцем у виска.

– Есть более одиозная идея, – с придыханием начал руководитель местной милиции, полковник Пётр Валерьянович Капец.

– Только без обещаний тёплых камер, значит да от, – мэр имел привычку вставлять «значит да от», особенно когда нервничал, – и отдельных туалетов для сидельцев в СИЗО...

– Это не моя компетенция. Я о другом. Я о разрешении ношения оружия...

– Ты, Петя, того? Тоже не думаешь. Не в Техасе, значит да от... У нас и без разрешений дураков хватает... С твоими ковбоями после празднования Дня милиции никак ещё не разберёмся... А ты – оружие для всех... – Мэр безысходно махнул рукой.

В разговор вступил начальник отдела жилищно-коммунального хозяйства Воровских Хорь Нахимович:

– Я извиняюсь, но, по-моему, простому избирателю важны простые жизненные вещи. – Он кряхтел, пыхтел и подкашливал, придавая своему предложению таинственную загадочность и большую значимость.

– Так-так, – заинтересовался Иван Львович, указывая карандашом, зажатым в пухлой ручке, на Воровских. – Говори, Нахимыч... Пока толково.

Нахимыч довольно хмыкнул, посмотрел свысока на предыдущих советчиков и, понизив голос, предложил:

– Нужно пообещать снизить квартирную плату, бороться за минимизацию тарифов на свет и газ... И ещё всякие послабления... от. – Он с видом победившего быка тореедора распрямил покатые плечики и окинул взглядом присутствующих.

– Это имеет место быть, значит да от! – довольно, бросив карандаш на стол, выдал мэра. – Имеет место быть в предвыборной агитации... Недаром, ой, недаром я тебя, Хорь ты эдакий, не дал прокурору засадить... Знал, что когда-нибудь пригодишься. Вот! Учитесь, господа!

– Ему легко говорить, – выдохнул Вонюкин, – он на дефиците сидит... Сейчас свет, газ и вода... это же... ого-го... А у меня что? Дерьмо – оно и в Африке дерьмо...

– Ну, – Иван Львович посмотрел на подчинённых взглядом дрессировщика пуделей, – завтра к утру от каждой структуры должны поступить предвыборные предложения, значит да от... типа вот этих, – и вновь ткнул карандашом в сторону Воровских. Все присутствующие засобирались, зашептались, зазевали и хотели уходить, как вдруг дверь распахнулась, словно от порыва шквалистого ветра. На пороге стояла Инна Михайловна с лицом Валькирии – спасительницы павших воинов – и широко расставленными руками. Все посмотрели на жену мэра с нескрываемым интересом. Она всегда появлялась неожиданно и производила фурор своими выступлениями.

– Ваня! Есть! – Глаза Инны Михайловны расширились, затем сузились и... прикрылись совсем в экстазе удовлетворённости от произведённого на присутствующих эффекта. Все молча ждали продолжения.

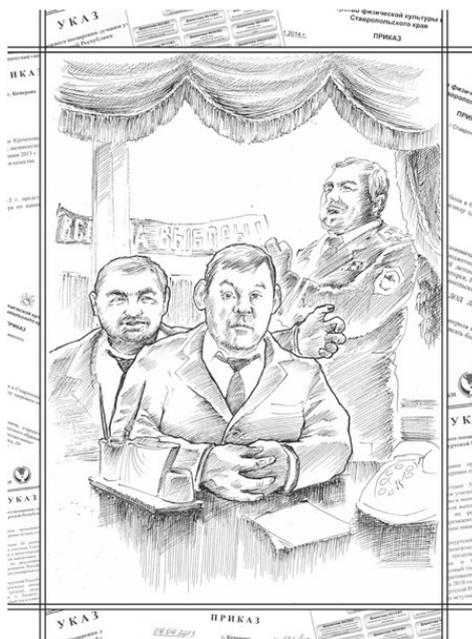
– Твоё спасение у меня в руках... – Она бесцеремонно подошла к столу, согнала жестом со стула начальника ЖКХ Хоря Нахимовича, и, усевшись нога на ногу, а рукой подперев поднятый вверх победоносный подбородок, рассказала о новом прорицателе, посланном свыше. При слове «свыше» предводительница местного бомонда указала бриллиантовым перстом вверх. Стоявший рядом, не имевший теперь своего места за столом Воровских внимательно посмотрел на палец, потом на потолок, который потрескался и был похож на одну большую паутину, потом на Ивана Львовича, а потом только на Инну Михайловну. Крякнув, он пожал плечами и ушёл в угол к стоявшему там покосившемуся креслу, куда и уселся, махнув рукой на происходящее.

– Да-да... и не маши на меня, Нахимыч. И вы все не смейтесь. – Она склонилась к мужу и, бросая тайные взгляды опытного конспиратора поочерёдно на всех сидящих за столом, поведала:

– У нас в бывшем торге, которым раньше руководил Эдуард Лазаревич, муж Софьи Никандровны, дочери директора электрозавода от первого брака со второй женой Юрия Петровича, ну... вспомни – такая блондинка с большим носом, маленькой грудью и кривыми ногами... Ну ещё у неё размер обуви сорок второй... платья носила приталенные... при её габаритах. Кошмар! Вспомнил? Неважно... Так вот, там в бывшем гастрономе – супермаркет... Хороший магазинчик, только...

– Ближе к делу, Инна, – крякнул мэра, натянуто улыбнувшись.

– Не перебивай... В этом супермаркете Катя работает... Так, ничего особенного, полновата... но серёжки у неё – ой... Где они такие берут? Так вот, у неё появился наставник.

Иван Львович Голова и его команда засиживались допоздна в прокуренных кабинетах.

При упоминании Кати мэр немного съёжился и втянул голову в плечи. Инна Михайловна не придавала значения этому и продолжала:

– Учитель! Прелестный человек... да что там... Он... он... – Инна Михайловна потрясла поднятыми вверх ладонями... Короче – прорицатель, каких свет не видывал.

Многие присутствовавшие, опустив головы, улыбались. Перлы, выдаваемые женой градоправителя, давно были притчей во языцех. В городе часто цитировали её высказывания и, как догадался читатель, не по причине их гениальности.

– Вот тут твои помощники резвятся... Хихикают надо мной... Пусть. А я дело, Ваня, говорю! Дело... Он мне такое предсказал, что ты! Ну, а про всех всё знает, но молчит... до поры наверняка. Ну что тебе стоит встретиться с ним? Пусть подскажет... как выборы ваши не провалить... Убудет с тебя? Скажи... Нет, ты скажи, убудет?

– Инна... Михайловна! – строго попробовал пресечь пыл воспрянувший супруг. – Вы бы соблюдали, так сказать... А то у вас вон тоже, значит да от... того... улыбка звучит на глазах. Понимаешь ли, значит да от... У нас тут, кстати, совещание... секретное... Правда, товарищи? Ой, что это я? Правда, господа? – Иван Львович посмотрел на подчинённых глазами попавшего в капкан зайца.

– Да, конечно, – запричитали подчинённые...

– Совещание, а как же...

– Серьёзная тема, а тут такое...

Однако на взволнованную фурию сии доводы влияния не возымели. Она встала, поправила сбившуюся набок причёску и, поставив руки в те места, где должна была быть талия, закачала головой, выпятив нижнюю губу.

– Совещание у них, глядите, какие мы секретные... Ну-ну. Ты, Петька, своей Тамаре будешь мозги компостировать, а мне... знаешь – не надо, – и выставила большую ладонь с нанизанными на сардельки кольцами вперёд, в сторону начальника милиции Капца. – Выборы провалим – пойдёшь следом за нами... Солнечный Магадан покажется раем. И ты, Захар Захарыч, поплывёшь со своим этим. – Она закрыла нос двумя пальцами, явно намекая на основной вид деятельности начальника канализации, короля дерьма, воды и пара.

– Ну зачем вы так? Зачем, Инна Михална? Никто не против ваших предложений... так ссать... – поправляя очки, промурлыкал ответственный за медицину города Семён Семёныч Недобитый. – Просто я... как представитель традиционной, так ссать... академической медицины... Против всякого рода шарлатанства и...

– О! И ты, Сеня, туда же... Заголосил... Так «ссать» он. Ишь! Ссать или не ссать – про то нам не знать!

– Это я для связки слов. В смысле – так сказать. Я и в мыслях не имел ничего оскорбительного...

– Ничего, спросят и за твою академичную и другую... Больницы в городе хуже хлева, а всё туда же...

– Инна! – вскипел мэр. – Держите себя в рамках... Инна Михайловна, значит да от... – но тут же осёкся под воинственным взглядом своей грозной половины. Он всё боялся, что вскрылись их давние отношения с этой девушкой из гастронома, Катей. Однако супруга, очевидно, втолковывала им о другом. Она смотрела грозно и говорила безапелляционно твёрдо:

– Короче, мужики, вы как хотите, а я назначу приём на завтра. Поверьте моему женскому чутью: он тот, кто нам сейчас нужен.

Больше доводов протеста не последовало.

Назавтра встреча состоялась. Жена мэра связалась через третьи руки с Катей. Она просила уделить немного драгоценного времени уважаемого Учителя для дел государственной важности. Дела такой важности, в понятии Инны Михайловны, касались исключительно её мужа и её лично. Учитель долго кочевряжиться не стал. Он внимательно изучил газету недельного будущего перед намеченной встречей и покатил в мэрском «мерседесе», присланном специально за ним Инной Михалной, к своей намеченной и, судя по стремительности разворачивающихся событий, приближающейся промежуточной цели. Путь вверх начинался.

Машина мэра имела номера правильные и легко запоминающиеся даже такому не очень образованному контингенту, как придорожные милиционеры города Земска. Три цифры «001» красовались чёрными лебедями на белоснежной глади номерного знака. А буквы «ЕЗЛ» можно было интерпретировать по-разному – от казённо-прозаичного «Единые земские литеры» до барско-холопского «Едет знатное лицо». Милиция Земска, мало чем отличавшаяся от своих коллег в других городах и весях России, естественно, понимала данную аббревиатуру правильно и приближавшуюся машину встречала стойкой смирно – прогнувшись, с рукой, приложенной к козырьку головного убора. От Катиного дома до центра города вела одна прекрасная, асфальтовая дорога... Она действительно была одна в таком состоянии, так как пролегла аккуратно от здания администрации до посёлка Ухтыевка. Посёлок не был именем тайного миллионера или одним из городов Золотого кольца, нет. Он даже не имел каких-либо памятников или ценных архитектурных строений. Однако он имел статус. Статус порой определяет внешнее состояние, а не наоборот. В Ухтыевке располагалось садовое товарищество со странным и пугающим сельское население названием «Гипоталамус». Название товарищество садоводов получило с началом нового этапа правления Ивана Львовича после публичного уничтожения партбилета. Как-то раз, собравшись за поздним совещанием с напитками, мэр города предложил своим приближённым создать загородную резиденцию, в которой можно проводить время не только отдыхая и, естественно, выпивая, но и с пользой для дела общества. Он так и сказал, поднимая рюмку и произнося очередной тост, с отставленным в сторону локтем:

– Нельзя терять драгоценное время... ик... понимаешь ли ты, значит да от... Нужно и на работе, и дома... и, что главное, на даче, – мэр вытянулся, приподнимаясь на цыпочках и потрясая указательным пальцем над головой, – оставаться у руля!

Все стали поддакивать и попытались аплодировать с переходом в бурные овации. Иван Львович прервал попытку подхалимажа твёрдым, но жеманным жестом и продолжил:

– Предлагаю создать загородный мозговой центр... для проведения выездных заседаний и внеплановых совещаний, значит да от. И назвать его... – Он замялся, вытирая пот с лица свежим носовым платком.

– Гипоталамус, – пискнул Семён Семёныч Недобитый.

Совещание притихло, ожидая разъяснений.

– Ты, Семён, пояснишь потом, – попросил незлобно мэр, – но пока выпьем.

И после употребления горячительного зелья начальник местного отдела здравоохранения Семён Семёныч объяснил, что гипоталамус – одна из основных частей человеческого мозга, оказывающая основное направляющее и регулирующее влияние на весь организм...

– Молодец! – похвалил мэр.

– Хорошо придумано! – подхватили остальные.

Так возник странный для деревенских жителей посёлок. Старики шептались о бесовском шабаше и продаже душ дьяволу, путая название «Гипоталамус» с «апокалипсисом», которым пугал бывший политрабработник, а ныне отец Митрофан в своих воскресных проповедях. Проповеди-лекции он проводил в бывшем клубе «Ленинец», переименованном в храм и изменённом слегка кривыми куполами с немного неровными, но всё же крестами. Путали диковинное название «Гипоталамус» и с «Главснабсбытом», в котором работали тихие мелкие ворюжки, приторговывавшие во времена тотального опустошения дефицитным товаром. Все эти длинные и сложные сочетания букв вызвали недоверие, но побуждали, однако, с осторожным подчинением относиться к самим обитателям садового товарищества.

А когда к воротам вышеозначенного товарищества пролегла чёрной ровной полосой невиданная доселе дорога, местные жители иногда даже крестились втихаря на проезжающие по ней кортежи автомобилей. Некоторые плевались вслед.

Дом, в котором проживала дама сердца вновь появившегося прорицателя – Учителя – Катя, стоял как раз на этой чёрной асфальтовой полосе, соединявшей «Гипоталамус» со зданием администрации. Вот по этой единственно целой дороге в городе и привезли Давида Богдановича Рома на встречу с представителями законной власти.

Около входа в здание администрации росли кривобокие мелкие розы и стоял трезвый милиционер. У самой двери Учителя ждала Инна Михайловна. Она зачем-то поклонилась Давиду и открыла сама дверь.

Здесь нужно отметить, что Давид оделся подобающим образом. Он и до этого одевался в длинную, сшитую рукодельной Катей накидку-рубашу. Но она могла произвести впечатление лишь на озабоченных учеников и простодушных домохозяек. А тут – целый мэр... Накануне, после поступившего предложения встретиться с самим главой города, Ром имел общение с бывшим служителем культа, уволенным за постоянное пьянство и халатное отношение к службе. Жил бывший протоиерей одной небольшой епархии по соседству, этажом ниже. Чин свой после пяти лет служения в священном сане с двойным орарем протоиерей, с его слов «...получил не так давно... милостью Божьей. Дай запил на радостях. А голосом я всегда был зычен да бархатист. Но дружба с Бахусом сыграла плохую шутку – стал путать не только слова, но и порядок вступления. А однажды так просто захрапел во время службы. А тут ещё и прихожанка одна жалобу исполнила... дескать, соблазнил её неподобающе непристойно... Всё одно к одному». Правду говорил служитель культа или врал, Давид не устанавливал. Но вот повседневную чёрную рясу с длинными рукавами у него купил по вполне сходной цене в условиях зарождавшихся рыночных отношений. Конечно, была она немного широка в животе: частые посты как-то не возымели благодатного действия на фигуру священнослужителя, но зато в плечах – как влитая. Протоиерей был не обделён статью. Катя умело ушла талию, и Давид даже испробовал новое облачение при проведении своих сеансов. Действовало завораживающе на домашних провинциальных куриц и неокрепших юнцов.

Вот в таком наряде Ром явился на встречу с мэром города. Чёрная ряса и чётки в больших сильных руках Давида возымели чудесное действие и на Инну Михайловну, и на милиционера у входа, и на персонал всего канцелярско-скрепочного мирка администрации. Проходя по длинному коридору здания, Давид ловил на себе удивлённые взгляды высунувшихся из своих каморок-кабинетов клерков. А уборщица Клавдия даже поклонилась ему в пояс и, перекрестившись, отчего-то заплакала, вытирая нос и рот своим пожилым передником и качая при этом сочувственно головой. Все понимали: человек в рясе – это неспроста.

Вот в таком наряде Ром явился на встречу с мэром города.

Иван Львович встретил Давида, который вошёл в кабинет в сопровождении его жены, стоя у окна и глядя во двор. (Явно заготовка.) Он улыбнулся вошедшей парочке и предложил садиться. Говорил при этом весело, по-свойски, давая понять, что не верит во всякие глупости с предсказаниями и пророчествами. Давид скептически оценил довольно убогую обстановку кабинета, понял, что взять тут много не удастся, долго молчал, глядя на главу города, восседавшего напротив него, а потом заговорил грубо и громко:

– Ты не суетись, не суетись...

Иван Львович широко раскрыл глаза и засопел:

– Па-азвольте! – возмутился мэр. – Это что за фамильярность такая, почему на «ты»?.. Значит да от! Я... принимаю вас по просьбе Инны Михалны, но это не даёт вам права разговаривать со мной таким тоном... Я мэр, и просто взрослый человек... Извольте на «вы»... и по имени-отчеству... значит да от... – Он в негодовании пожал плечами и стал нервно листать перекидной календарь на столе, делая в нём какие-то пометки ручкой.

– Завтра на ремонте котельной авария будет... Людишек побереги... Взорвётся она... – сказал Давид, поднялся и пошёл к выходу. Он прочёл эту новость ещё на прошлой неделе, и встреча как нельзя лучше позволила воспользоваться полученными фактами. «Ничего, – думал Ром, – вот долбанёт завтра городская котельная, посмотрим, как ты запоёшь».

Инна Михайловна кинулась следом, не забыв пнуть при этом тоже поднявшегося с места мужа локтем в живот. Иван Львович ойкнул и немного согнулся.

– Господин Учитель! – Инна Михайловна пыталась остановить удалявшегося Давида, порхая большим телом над тремя ступенями сразу. Но это было равносильно тому, как оста-

новить уходящий тихо, но мощно теплоход. Давид спустился вниз по лестнице, отстранил старорежимного водителя, предложившего ему сесть в автомобиль, и буркнул ему, кивнув в сторону «мерседеса»:

– Копыта коня своего побереги, утащат... – Пошёл через город пешком. Благо город маленький – идти недалеко. Он ликовал. Всё прошло более чем успешно. Ром играл образ, почерпнутый из истории провидцев царской России... Конечно, его познания в истории находились не на очень высоком уровне. Примерно где-то между жизнеописанием Древнего мира за пятый класс начальной школы и историей КПСС из общего курса лекций по марксистско-ленинской философии, в которой всё же он увлёкся диалектическим материализмом. И вовсе не из-за фарисейской любви к данной науке, а исключительно из-за звучного названия. Он практически ничего не помнил из диамата, но часто применял это словосочетание во время очередного брачного танца перед открывшей рот смазливой дурочкой. Но, как ни странно, одна деталь из истории ВОР, как называли в годы его неоконченного высшего, Великую Октябрьскую революцию, врезалась в память, оставив вечную зарубку в тонком, художественном мозгу Давида. Она касалась его теперешнего положения, а звучала так: «о роли и влиянии псевдооракулов и предсказателей на принятие решений лидерами агонизирующего царского режима». Короче, яркий образ старца Григория врезался в память надолго и теперь пригодился.

Он удалялся по хорошей дороге, а в спину ему смотрели десятки встревоженных глаз из окон администрации города Земска.

Наверняка неудачно прошедшая аудиенция у мэра не вызвала бы особого эффекта и не имела бы резонансных последствий, не случись на следующий день нечто неординарное.

Во-первых, украли колёса с мэрского «мерседеса». Водитель Толя, сообщив новость о краже главному милиционеру города Капцу, побежал к дому Ивана Львовича. Благо жил за углом.

– Чего тебе? – ещё не собравшись, спросил мэр запыхавшегося от бега водителя. – Чего так рано? Иди жди в машине, значит да от...

– Тут такое... короче, я без машины. Иван Львович, это всё он! Ваш колдун! Он мне вчера ещё... а я значения не придал!

– Говори внятно, – попытался изобразить образец выдержки Иван Львович. – Что, кто, когда, значит да от...

– Мне вчера этот колдун в рясе, когда выходил от вас, сказал: береги, мол, копыта коня своего... Я и подумать не мог! А тут! Утром выхожу – машина на кирпичках!

– То есть как на кирпичках? Ты что плетёшь, Толя?

– Колёса украли! Резина новая совсем!

– С «мерседеса» украли?

– Да... – чуть не плакал водитель... – А он мне вчера – копыта, говорит, коня своего побереги... А я... А он ушёл... Надо его искать!

– Так, звони Капцу... значит да от!

– Уже...

– Тогда иди в администрацию и жди. Я скоро.

Колёса искали все милиционеры города. Но безуспешно. Купили другие. А тут новое потрясение. Ремонт котельной, спасавшей школу и детским сад города в зимние месяцы, шёл привычным порядком – в режиме аврала освоения выделенных средств. По утверждённой свыше смете сумма превышала реально дошедшую до исполнителей в два раза. Откат начал своё вторжение в преступный мир зарождавшегося чиновничьего класса в условиях новых экономических отношений. По причине этого средств не хватало. В дополнение – исполнители были людьми, воспитанными на принципах планового ведения хозяйства, с отсутствием жажды достижения задуманного результата.

Рабочие начали с большого перекура. Потом перешли к обсуждению политической обстановки в мире, коснулись последних инициатив министра иностранных дел США и выказали крайнее неудовольствие в связи со снижением курса рубля. Всё бы пошло обыденным путём, не появись на ремонтной площадке бывший сотрудник ДЭЗа Лёнька Веселовский. Он с полгода как ушёл на вольные хлеба и теперь трудился на ниве кооперативного движения в организации под названием «Антикварус». Кооператив былдохлым, и деньги платили Лёне крайне нерегулярно. Но признаться своим бывшим коллегам в этом ему не позволяла гордость. Зачем тогда переходил? Он разыгрывал роль высокооплачиваемого квалифицированного рабочего новой волны и угощал всех дорогими сигаретами, заняв накануне у тётки денег на их покупку. Встреча прошла с бурными овациями обеих сторон, лёгкими словесными уколами и решением отметить встречу. Многовековая традиция отмечать чего-либо не оставляла выбора в поиске форм её проведения. Пили прямо в траншее. Вначале молча, потом под сдержанный смех и далее громко и без оглядки на окружающих. Когда бригадир Курлашёв, стукнув по огромной трубе, служившей импровизированным столом, громко сказал: «А ведь раньше я по шестому разряду четыре сотни заколачивал! А теперь? На них и пива не купишь. Да гори оно ясным пламенем...», всё действительно загорелось. Да ещё как. Брошенный кем-то из рабочих окурок стал причиной возгорания промасленной ветоши, а затем и взрыва находившегося рядом газового баллона.

Результат – двое в больнице с лёгкими ушибами. И один там же с контузией средней тяжести. Рассказывая соседям по палате историю своего попадания в «травму», Курлашёв делал упор на провидение и знак судьбы.

– Не окажись тогда бы Лёньки рядом, мы бы не выпили... от... А не выпили бы – пошли б работать... от... Там бы все и полегли... от. А так – в траншее за трубой сидели, там и схоронились... Всё верхами прошло... от... А ты говоришь, пить вредно. Кабы не пили, то уже б и лапты склеили... от.

– Да, – отвечал сосед по койке. – Сказано: пейте, пока пьётся. А не можете – работайте.

– Это где же так написано? – переспросил второй потерпевший.

– Где, где... Екклесиаст, – отвечал просвещённый пьяница и сосед по койке, – он же мудрый царь еврейский Соломон.

– Надо же – еврей, а не дурак...

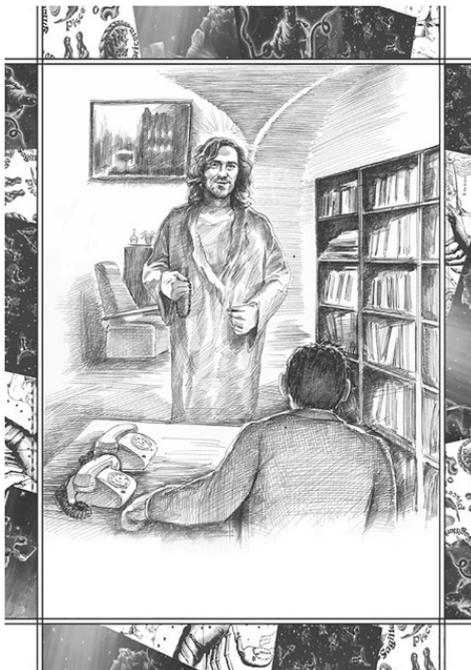
И они решили не играть в орлянку с судьбой, а послать гонца в близлежащий гастроном. Лечение в палате вошло в фазу ремиссии.

А в это время мэр города Иван Львович собрал экстренное совещание приближённых лиц. Он сидел за своим богатырским по размеру, но довольно затрапезным столом и нервно теребил жидкий пучок волос на голове. Напротив два его заместителя – Генрих Борисович Малюков и Тит Саватеевич Старорежимный. Люди проверенные и преданные ещё со старых времён. Также присутствовал Пётр Капец.

– Вот хотите верьте мне, а хотите нет... значит да от. Он же вчера... вот тут, при Инне Михалне мне так и сказал: побереги людишек, дескать, авария будет на котельной! – доверительно повествовал мэр. – А я его взащей... Не может быть таких совпадений, значит да от!

Все согласились, недоуменно поднимая плечи и рассуждая о малой вероятности подобных совпадений. Масла в огонь подлил начальник милиции, вспомнив украденные колёса «мерседеса». Стали совещаться, как поступить с этим Учителем. Результатом совещания стал тайный сговор узкого круга лиц городского управления пойти на повторный контакт со странным предсказателем. Действовали всё так же через жену мэра. И контакт состоялся на следующий день, но не в кабинете у мэра, а в лесу, недалеко от города, рядом с садовым товариществом «Гипоталамус». Место предложил Давид Богданович Ром, а в настоящем времени – Учитель. Это было его основное условие. Только в лесу. Никаких кабинетов. Кабинет изна-

чально делает его владельца хозяином встречи, а это не было на руку Давиду. Встречу назначил на «после обеда», не затрудняясь в точном указании часа.

– Завтра на ремонте котельной авария будет... Людишек побереги... Взорвётся она...

«Мерседес» Ивана Львовича на новой резине и ещё две служебные «волги» первых замов прибыли на указанное место сразу после четырнадцати. В это время обед заканчивался во всех казённых учреждениях города. Выйдя из машин, чиновники расстегнули объёмные пиджаки, ослабили одинаковые, словно форменные, галстуки и стали ждать. Учителя не было.

Через час ожидания, протоптав неровные тропы между стоявшими вокруг машинами, верные слуги народа, разгневанные непунктуальностью «странного типа», решили уезжать. Перед отъездом Иван Львович предложил дать «стременную» на ход ноги. Водитель Толя, с ловкостью фокусника разложив на капоте одной из «волг» («мерседес» приберегал) скатерть-самобранку, в мановение руки соорудил походный стол, а-ля ресторан «Зелёная жаба». На капоте красовались закуски и напитки, готовые к употреблению без промедлений. Выпив по одной, достойные мужи рассупонились до пупов, отбросив пиджаки и галстуки на задние сиденья машин. Настроение улучшилось, лица покраснели, пальцы засверкали закусочным жирком, присыпанным крупной солью, а тягучая и нервная обстановка превратилась в лёгкую приятную загородную атмосферу благодущия. И в этот самый момент из-за соседнего орешника вышел он.

– Ну здравствуй... господин мэр.

Открытые рты, застывшие в руках стопки, лёгкий ветерок, развевающий пушок над лысеющими головами, дополнили картину «Встреча на лужайке».

Глава VII

Суровые будни предсказателя

Вы пробовали играть в карты с профессиональным шулером? Нет? Ну, тогда и не советую. Выиграть у него всё равно не удастся. Тот же результат ожидает вас, если партнёр по преферансу, сидящий справа, нагло и беспардонно пасётся в ваших картах. Вообще, надо заметить, что игра в карты не только увлекательное времяпровождение, но часто источник дохода для нежелающих пахать на ниве почётного труда. Сталевар во времена «сссра», стоя в горячем цеху у мартена и прожигая себя в прямом смысле слова, мог заработать на содержание семьи из пяти человек и заслужить пенсию к пятидесяти годам. Также в советские годы он имел оплачиваемый отпуск, путёвку в санаторий, а иногда, за неслыханное перевыполнение плана, премировался автомобилем «Москвич», чем вызывал жёлчную зависть сотоварищей по цеху и презрительное хмыканье соседей. Труд всё же был поощряем, но не более того. Водитель такси, крутя баранку по восемь, а иногда и десять часов в сутки и имея неплохие чаевые и левые, иногда мог позволить себе потратить деньги на небольшие шалости, как то: поход с друзьями в баню с пивом, раками и иногда – продолжением. Продолжение приветствовалось в кругах сильного пола, но сильно осуждалось женской половиной семьи. Официант до открытия на него уголовного дела по статье «О нетрудовых доходах» мог поехать один раз в квартал в Сочи и снять неплохой номер в приличной гостинице. Мог там пить шампанское и пользоваться услугами женщин очень лёгкого поведения. Мог также перекупить автомобиль «Москвич» у работника мартеновского цеха за двойную цену. Но это всё так, мелочи. А вот катала, или в простонародье – шулер, имел на порядок больше. Он мог иметь всё вышеперечисленное и сорить деньгами после удачной поездки на «гастроли» в тёплые края и веси или хорошего куша на прикормленной мельнице при раскрутке клиентов, приехавших из хлопкового востока страны. Он даже мог позволить себе в конце карьеры, если доживал или оказывался на воле к тому времени, дачу в Малаховке, золотые зубы, билеты в первый ряд на «Юнону и Авось» в «Ленком» и удостоверение инвалида первой группы, купленное по случаю у представителя околomedicalной чиновной братии. Давид не был сталеваром, никогда не крутил баранку зеленоглазого автомобиля, не бегал с подносом, лавируя меж шатающихся граждан, разнося заказы по ресторанным столикам, и не принадлежал к категории «катал», или шулеров. Но в душе он был игроком. Причём игра ему нравилась больше своим азартом, чем непосредственно результатом. Хотя стремился он к результату всегда... не всегда, правда, достигая его.

Один из законов преферанса гласит: «Карты ближе к орденам». В том смысле, что прижимайте к груди, дабы не провоцировать других игроков совершать бесчестные поступки и подглядывать, косясь прищуренным глазом, делая при этом задумчивое лицо озабоченного человека. Да любая игра с соперником, знающим твои карты, превращается в простой отъём денег. Примерно то же случилось в игре Давида с администрацией города Земска.

Ром играл, глядя в открытые карты партнёров. Газеты из будущего, любезно предоставленные серой актрисой уехавшего балагана – цирка шапито, были прочитаны, изучены и аккуратно сложены в укромном месте. Информация, полученная из них, была сродни сведениям, добытым в результате не совсем приличного, но всегда полезного в игре подглядывания в карты партнёру по преферансу. На первой встрече в кабинете главы Земска Давид бросил фразу об аварии, заготовив её после прочтения статьи в газете из недалёкого будущего. Статья была небольшая и констатировала лишь факт происшедшего. Называлась она буднично и неоригинально: «Случай при ремонте котельной». Сам стиль изложения был пресный и вялый. А суть состояла в том, что всё у нас плохо, всё идёт прахом и жить дальше так нельзя. Это было прогрессивно и современно. Не заикливаясь на стилистике, Давид выбрал важное зерно – факт аварии и приберёт его для беседы с главой тихого омута российской глубинки. В том, что

сказанное вызовет эффект, он не сомневался. Тем более факт, одобренный пропавшими колёсами главного автомобиля города. Но вот масштабы этого эффекта предположить он не мог.

Его уход пешим порядком должен был по замыслу добавить интриги разыгрывающейся на подмостках провинциального захолустья пьесе, названной самим прорицателем «Холод подземелья». Он не ошибся. Придя домой после первого антагонистического свидания с мэром, Давид снял свою рабочую ряску, завалился на диван и стал перечитывать, достав из загашника, газетки.

Эдакие необычные послания будущего. Его очень интриговали события недалёкого будущего времени. Вначале он подчеркнул синим карандашом результаты роста котировок акций странной, но уже находящейся на слуху фирмы под названием «МММ». Затем выделил кривым овалом курсы мировых валют и уже собирался всё это записать в специально заведённую тетрадь, как в дверь стали тихо, но настойчиво царапать. Пришлось прекратить магическую тренировку для предстоящих свершений, убрать драгоценные свитки и открыть дверь, предварительно накинув поповскую ряску.

Инна Михайловна пала на колени прямо у порога. Её потёкшие поддельной польской тушью глаза были полны слёз раскаяния и мольбы. Растрепавшиеся кудри не оставляли сомнения, что она рвала на себе волосы, убиваясь по поводу произошедшего, а большая тяжёлая грудь вздымалась от громких и глубоких вздохов, похожих на звуки трубы, в которую попал дождь.

– Простите! – умоляла она. – Я не встану, пока не простите моего неразумного мужа!

Давид простил сразу. Впрочем, слёзы нарисованных глаз высохли столь же быстро. Благодарный Учитель помог подняться грузной мэше с колен и проводил в свою келью... то бишь в комнату Катинной квартирки.

Разговор состоялся вполне приличный и деловой. Учитель взял быка за рога:

– Я не вправе судить никого. Не вправе осуждать поступки людей. Всё принимаю с покорностью... – тут он задумался, вспоминая монолог героя книги, которую в далёком босоногом и бесшабашном детстве читали с друзьями, сидя для страха в тёмном подвале старого дома. Герой того разодранного романа без названия говорил, как писал неизвестный мальчишкам автор, «уныло, печально, но уверенно...» Прорицатель выбрал его манеру...

– ...принимаю и понимаю. У него много забот. Ответственность за судьбы тысяч людей, плохое пищеварение, изношенная нервная система...

Инна Михална пристрастно кивала в такт растрёпанной головой Горгоны, поправляя одновременно волосы и держа в зубах вывалившиеся шпильки, тихо прищёптывала:

– Да, да... нервы у Ванечки ни к чёрту, да и почки... А сколько проблем с его простатой... Да, да... Вы правы... Он не такой уж плохой... – Она поочередно доставала шпильки изо рта и втыкала их в копну искусственного «вавиллона».

– Но ты и меня пойми, Инна. – Давид сделал упор на двойное «н» в середине имени, чем вызвал непроизвольную икоту у кающейся женщины. – Пойми, я маленькая частичка окружающего мира, случайно знаю то, что другим не дано.

Тут Давид сам себе кивнул в знак согласия, немного даже скривив в гримасе подтверждения рот, и, дёрнув мужественным подбородком, подумал: «А ведь не вру. Кто ещё знает, что случится скоро?» Вслух продолжил со вздохом:

– Ладно. Я не в обиде... Завтра в лесу у садового товарищества «Гипоталамус» после обеда... Пусть приходят. Он и его компания. Только самые проверенные.

Так была назначена эпохальная, как любили говорить газеты недалёкого советского прошлого, встреча мэра города с новым оракулом и провидцем – Учителем. Встреча прошла в тёплой дружеской обстановке, с примирением сторон и продолжением в тихом, уютном, но весьма нескромном банкетном зале загородного ресторана «Утиная охота». Ранее ресторанчик назывался «Пролетарская кухня». На банкете по случаю примирения сторон подавались

блюда, приготовленные на итальянский манер, с использованием исключительно дичи, лесных ягод, речной рыбы, экологических продуктов и привозных напитков. Подготовленный читатель наверняка задастся вопросом: «Как из напитков можно приготовить блюдо?» Ответом на данный вопрос может стать меню ресторана, разработанное привозным поваром из Италии Бартоломео Лучани. Который, кстати, до приезда в Земск работал на набережной города Сочи, в шашлычной «Пристань пирата», и носил гордое имя Ашот Абрамян. Что, безусловно, никоим образом не умаляет его кулинарных способностей, но бросает тень на все остальные названия, расцвечивающие своей необъяснимостью меню «Утиной охоты». Соусы, согласно расширенному разъяснению, предлагавшемуся к меню, имели в своём составе в качестве ингредиента и коньяк, и ликёр, и вино, и джин, и мартини, и ещё много чего такого... которое никогда не добавлялось в эти блюда в реальности. Как говорил Бартоломео Лучани, он же Ашот Абрамян: «Лук, сол, пэрэц, уксюс, таматный паста, вада и нэмного самогона дают вкус нэпрэвзойдённому соуса – самопал». Но говорил он это только в узком кругу родных и близких друзей, и то когда сильно напивался.

Давид, с удивлением окинув взглядом надписи с завитушками, попросил официантов подать ему «на свой вкус». Он был проинформирован приглашающей стороной, что всё оплачено и можно не стесняться. Нисколько не стесняясь, Давид съел на закуску какое-то сыроватое мясо на хлебе. И лишь потом узнал, получив пояснения к названию блюда, вежливо и учтиво предложенные услужливым, но гордым Ашотом Лучани. Это мясо называлось «прошутто» и значилось в меню как Prosciutto. Познания в иностранных языках не были сильной стороной образования Рома, и он читал Prosciutto как «просциутто», немного недоумевая, из чего оно может быть приготовлено. То ли из утки, замоченной в моче молодого поросёнка. То ли ещё из чего-то неудобоваримого. Подавали блюдо как закуску на ломтике хлеба с кусочками арбуза и мёдом. Сочетание странноватое, но приятное. Запивали аперитивом, немного терпковатым, но приятным. Потом «на вкус» официанта подали суп, под пугающим фантазию названием «Суп Минестроне» (в меню – Minestrone). Его ели под водку и итальянское сухое вино. Кто что выбрал. Суп был так себе, слабенький – сплошные бобы с морковкой. Дальше был «Цыпленок «Пармезан» (писалось как Chicken Parmigiana) – Давид позорно перевёл название как «кухня Пармиджиани», перепутав «chicken» с «kitchen». Но языковые познания остальных участников примирительного мероприятия с напитками были ещё скуднее, так что конфуз прошёл незамеченным. Ещё ели цыплят под коньяк и мартини с оливками на шпажках. Далее пошло «Джелато» (Gelato), постыдно названное закосевшим мэром пломбиром с вареньем. Всё это приправлялось чудесными соусами «от шефа», которые мы с вами теперь уже знаем как «самопал». Помимо перечисленных итальянских изысков, ели принесённую с собой сушёную рыбу под пиво. А мэр даже зажарил на спичке сморщенный пузырь от воблы.

Встреча прошла в тёплой дружественной обстановке, с примирением сторон...

Застолье подходило к кульминационной фазе и намеревалось переместиться в стоявшую на отдалении баню, числившуюся по документам как банно-прачечный комбинат при садовом товариществе «Гипоталамус», как вдруг произошло непредвиденное событие. Иван Львович, потрясая бокалом над головами нетрезвых подчинённых и сыто икающего учителя, собрался уж было сказать тост о прелестях дружбы и взаимовыручки, как дверь банкетного зала растворилась широко и резко. На пороге в позе разъярённого быка на арене стоял начальник милиции Пётр Капец. Глаза его имели вид героев античных статуй – пустые и огромные. Рот открывался в беззвучной попытке сказать, видимо, что-то важное:

– А... а... п-п... та... ам... и машины такие...

Красноречием начальник местной милиции не страдал с детства. Напротив – до семи лет он вообще молчал. Кивал, мотал головой, разводил руками, смеялся, но не говорил. Забирал игрушки у младших в песочнице, толкался, дрался, плевался... и всё это молча и цинично. Уже тогда, сопоставляя его поведение с общепринятым стандартом разных профессий, многие говорили: «Растёт будущий блюститель».

Если мы заглянем в словарь, созданный известным советским лингвистом Сергеем Ивановичем Ожеговым, то увидим сухие пояснения сего непонятого слова:

БЛЮСТИТЕЛЬ, – я, м., чего (устар. и ирон.). Человек, к-рый охраняет что-н., наблюдает за чем-н. Б. порядка. Б. нравов. || жс. блюстительница, -ы. || прил. блюстительский, – ал, – ое.

Не пытайтесь расшифровать. Всё просто – человек, который охраняет что-нибудь, наблюдает за чем-нибудь. Также – блюститель порядка, нравов... ну, женский род в нашем случае не применяется, как и форма прилагательного от этого слова. Если отбросить казённый штиль и сказать просто, получится вполне резонное «держиморда». Заговорил будущий блюститель-держиморда в школе, на первом же уроке. Как его приняли в школу? Это всегда оставалось загадкой для учительницы начальных классов. Он сказал своё первое слово. И слово было «хрен». Потом он добавил к нему ещё несколько и получилось предложение: «Хрен вам, а не сидеть смирно до обеда». После этого маленький Петя говорил и говорил, пока не дого-

ворился до начальника местного отдела милиции, оправдывая пророчества наиболее дальновзорких граждан.

А вот сейчас его опять перемкнуло. На время перестал говорить. Промычав своё «а... а... п-п... та... ам... И машины такие...», он сглотнул громко и смачно, эффектно передвигая адамово яблоко под расстегнувшимся воротником форменной рубашки.

Иван Львович, не опуская рюмку, посмотрел на него растревоженной совой, попеременно наклоняя голову то к левому, то к правому плечу, и хрипло спросил:

– Чего тебе, Петя?

Капец развёл руками – и тут мы, используя модную ныне терминологию в духе высокого патриотизма на примере старинных русских былин, употребим сакральное «и разверзлись его уста»:

– Из Москвы... – наконец выдохнул он что-то более-менее ясное. – По-моему. Наверное, из Москвы приехали... Возле администрации... Все солидные... Вас спрашивают.

Мэр безысходно закивал головой, выпил содержимое поднятой над присутствующими рюмки и, занюхав головой Семёна Недобитого, сидевшего рядом, крикнул:

– Кхе... значит да от.

Потом, лавируя между стульями и столами, он нетвёрдой походкой вышел из зала, оттолкнув при этом Петю Капца. Выйдя на свежий воздух, Иван Львович, икая, позвал зычно, как объевшийся мухоморов лесной олень:

– Ми-ик-эк-ита! Ми-и... ик... ки-та!

Огромный бородатый леший, по-видимому Микита, подошёл тотчас со спины и бочковым утробным голосом пробурчал:

– Тут я, тут.

Иван Львович дёрнулся от неожиданности, а потом расцвёл пьяной умильной улыбкой. Он обнял огромного Микиту и, облобызав его, попросил, жалобно скуля:

– Микитушка... плохо мне... перебор... А вон вишь из Москвы понаехали... Помогите. А? Друг...

Остальные участники банкета выползали из зала, щурясь на всё ещё яркое небесное светило и не до конца понимая, что произошло и почему нет продолжения...

Давид умел держать удар алкоголя. В этот раз он пил не очень много, стараясь оставаться, что называется, в форме и, естественно, в образе. Он выпил холодной колодезной воды из стоявшего рядом ведра, умылся и отошёл в сторонку, не желая светиться в пьяной компании, пусть и выдающихся людей города. Ром вошёл в роль прорицателя и Учителя, а посему считал, что его сан не позволяет подобные разгульные мероприятия. Мало ли что скажут. А ему ещё есть над чем и, главное, с кем в этом городишке поработать.

Микита похлопал мэра по округлой женской спине, поцокал языком и, ничего не говоря, подтолкнул размякшее от спиртного и съеденного тело главы города к бане. Баня представляла собой шикарный сруб с резными окнами, крытый черепицей. Из трубы вырывался пар. Из двери шёл приятный парной дух. Иван Львович подчинился огромному Миките и был предан процедуре резкого вырезвления.

Через час, во время которого Микита в одних исподних штанах несколько раз выбегал за ведром колодезной, ледяной воды, из проёма двери той же бани вышел в розовых мраморных разводах свежий и парующий всем телом голый мэр. Точнее, он был наполовину укутан простынёй. Несколько листиков берёзы, прилипшие к его лысеющей маковке, сделали его похожим на холёного патриция античных времён после римских терм. Иван Львович глубоко дышал и кричал. Микита подталкивал его сзади по направлению к небольшому пруду, зеркально отливавшему за срубом бани, откуда вскоре послышался всплеск упавшего тела, весёлые взвизги и фырчание намокших губ. Вырезвление состоялось. Вся команда Головы времени не теряла. Она проделала процедуру отхода от излишеств в том же порядке, но без помощи Микиты.

Кто же так растревожил начальника местной милиции? Что за делегация заставила прервать такое важное мероприятие мэра?

...На этом оставим наших героев ненадолго. Далее попробую элегантно выйти с другого конца истории, дабы, закрутив интригу, постараться ещё больше завлечь повествованием дорогого читателя.

Глава VIII

Гамбит двух коней

Люди бывают активными, пассивными и... пофигистами. Кто из них полезнее обществу, сказать трудно. Если рождение ребёнка попытаться встроить в теорию вероятности, то, по идее, каждого индивидуума из перечисленных выше будет по тридцать три с небольшим процента. Такова ли теория вероятности? И каких высот достигло бы общество в своём развитии, если бы треть людей была активной!

Как известно из популярных научных журналов, теория вероятности весьма капризна и непонятна. Она иногда выдает такие закидоны в реальной жизни, что пытаться объяснить те или иные совпадения просто невозможно. Например, бросая бутерброд десять раз на пол, разгильдяй ученик десятого класса «Б» средней школы города... впрочем, название не так уж важно – обнаружил странное несоответствие. Он был уверен, что половина из совершенных им попыток увенчается успехом и бутерброд упадет маслом вверх. А нет. Он настойчиво падал маслом вниз, оставляя жирные следы на немом полу и превращаясь в грязный серый кусок хлеба без масла. Так же и те заблуждающиеся умные овечки в очках, которые, поверхностно уловив из программы обязательного среднего образования смысл теории вероятности, уверены, что выиграть в рулетку можно, поставив на «зеро» тридцать семь раз кряду. На деле все гораздо сложнее. Вот, к примеру, выйдя из дома, вы можете заявить, что имеете возможность встретить идущего по улице Хмуропопинска всемирно известного футбольного гения Пеле, но можете и не встретить, и сделать вывод: вероятность встречи равна пятидесяти процентам. Таким неучам бесполезно объяснять про относительность вероятности, теорию больших чисел и предполагаемое бесконечное количество повторений эксперимента. Они уверены во всеисилии теории. И, вероятнее всего, счастливы. Счастливы, утопая в своём невежестве и веруя в свою мудрость. Как счастлив сторож Гаврила Федотыч, уверенный в том, что город Козельск стоит в центре Земли, а Париж находится «черт его знает как далеко, на окраине». И что его кобыла по кличке Тетчер понимает человеческий разговор, только ответить не может, так как всё время «чего-то жуёт... скотина». Таким людям проще жить на нашей планете. Они очень гордятся своими познаниями, и всегда ухмыляются «глупым речам» с экранов телевизоров, и уверены, что «навели бы порядок», окажись «у руля страны». Им нет необходимости вникать в суть событий. Стереотипы восприятия мира засели глубоко в их узком лбу. Нахватавшись по верхам от всего услышанного или увиденного, они цинично улыбаются с видом всезнающего пророка. Это всё – жизнерадостные дурни, и их процентов десять, не более. Однако есть и другие, которым абсолютно наплевать на всё, что происходит не с ними. Они абсолютно не обеспокоены загрязнением окружающей среды, возникновением озоновых дыр над полюсом, исчезновением редких видов кораллов в Красном море или нефтяным пятном в Тихом океане. Они не знают об этом. Они даже не догадываются, какие огромные усилия прилагают активисты какого-то там «Гринписа» для спасения амурского тигра и длинноносой черепахи. Но даже те из них, кто слышал о чём-то подобном, не углубляются в суть проблемы. Их куда более волнует вопрос стоимости продуктов в близлежащем магазине, счет футбольного матча, график выходных дней и праздников в отрывном календаре на новый год и возможность получить премию назло «этой стерве» из бухгалтерии. Они не активны в своей жизненной гражданской позиции, касающейся общества в целом или проблем мирового масштаба. Однако они сидят на печи и ждут манны небесной, которой, как известно, нет. Ждут, когда начнут делить. И им «положено». И им должны дать! И таких людишек большинство. Одна часть из тех, кому «должны дать», впрочем, образованна. И в неё входят интеллигенты с общипанными бородёнками и сотрудники НИИ с большими головами. Они даже выходят на митинги протеста. Требуют, требуют, требуют. Но ничего не делают. Есть те, что призваны охранять. Неважно что

или кого. Важно – повязка, ключи и дверь с печатью и решёткой. Они будут с лицом, полным отваги и решимости, бдиль у двери и требовать себе награду. Им тоже должны дать. Есть протестующие, которые недовольны всем. Есть мыслители. Есть пахари. И есть часть народонаселения, активная по-своему, и находится она в постоянном поиске благ, невзирая на погоду, власть и международную обстановку, которая почему-то всегда сложная. Не подумайте, что это протестующие. Упаси Бог! Они не выходят на митинги... Хотя... некоторые из этой категории, совсем беспринципные, выходят, но с целью пощипать карманы взволнованных очередным принятием какого-то закона «псевдоактивных» граждан, высыпавших на очередной «майдан». В своём стремлении помочь всему миру митингующие активисты забывают про кошельки в заднем кармане брюк, сумочки на плече и часы на руке. Результатом их борьбы за права униженных и оскорблённых часто становится потеря личного имущества и наличных средств. Ну, а те, кто пользуется помутнением и притуплением бдительности у борющихся за торжество справедливости активных граждан, становятся обладателями их кошельков, сумочек и часов. И получается, что активные общественники – нищие, а активные пройдохи – при наличности. Если мой уважаемый читатель сумел разобраться в сложностях приведённой мысли, он легко представит себе нового героя романа.

Именно к категории общественно равнодушных, но активных в своём обогащении граждан относился Самуил Яковлевич Гурвиц, человек молодой – где-то около тридцати с хвостиком, но вполне самостоятельный и, я бы даже сказал, самодостаточный. С раннего детства Самуил, которого для краткости и удобства далее буду называть Сама (так, впрочем, его звала бабушка, а с её лёгкой руки и весь двор в небольшом южном городе), вёл крайне аполитичный образ жизни, называемый строгими учителями праздным. Хотя сам Гурвиц так не считал. Он был активен в добывании основного продукта, обеспечивающего нормальную независимую жизнь. Этот продукт имел цвет, вкус и запах, вопреки общепринятому заблуждению. Ах да! Я же не сказал, что это за продукт. Это деньги!

Первые рубли он стал добывать в глубоком детстве, когда на Новый год, Рождество, Старый Новый год и другие религиозные, а порой и светские праздники ходил по соседям. Рано утром, чтобы оказаться первым, Сама звонил в дверь и голосом звонкого церковного певчего выдавал старорежимные тексты в умиление религиозно ориентированных старушек. Городок его становления был мал, беден, но уютен и спокоен. Он был настолько неприметен на бескрайних просторах империи, что название его даже нет смысла упоминать. Один из многих городков южнорусского Черноземья. Жители говорили на приятной смеси русского, малороссийского и еврейского наречий. Однако традиционные «колядки» и «щедровки» пели на малороссийском суржике, что придавало им некий юмористический окрас. Сама нарочито переодевался в колоритные устаревшие наряды и выводил звенящим голосом:

Коляд-коляд колядныця,
Добра з салом паляныця.
А бэз сала нэ така.
Дайтэ дядьку пятака.
А пятак нэ такый,
Дайтэ рубэль золотый!

Пел он красиво и весело, улыбаясь и кланяясь одновременно. Старушки и старики всегда держали металлические рубли наготове, зная о раннем визите отзывчивого еврейского мальчика в определённые праздничные дни. Никому и в голову не приходило удивляться: почему иудейский ребёнок поздравляет с христианскими и языческими праздниками? В советском прошлом все верующие верили в одно. В то, что запрещали, не углубляясь в тонкости межконфессиональных различий. Запрет на всё связанное с религией порождал некую тайну, непо-

нятную, а потому привлекательную. Тайна сотворения обрядов подстёгивала к расширению числа верующих и являлась прекрасной миссионерской пропагандой церкви. Семьи простых рабочих и служащих имели в этом течении явное преимущество над людьми из партийных кругов и руководящего состава. Простые обыватели могли практически безболезненно и без последствий красить яйца, печь куличи, ставить свечи и носить нательный крестик под пионерским галстуком или комсомольским значком, одновременно прыгая через костёр, празднуя языческий праздник Ивана Купала, а потом без зазрения совести отмечать день Октябрьской революции и день рождения Ленина, напиваясь в стельку. Партийные функционеры не могли себе позволить таких вольностей, поэтому верили тихо и скрытно. Они также красили яйца и пекли куличи. А своих детей крестили в глухой деревне, без посторонних глаз и ушей. В общем, время бездуховности в сфере религии накладывало отпечаток на поведенческие рефлексy всех жителей страны. Священнослужителей пренебрежительно называли попами, независимо от чина и звания в иерархии. А храмы – не как иначе как церквями. О существовании святого писания догадывались, но в глаза не видели. Тайная жизнь партийцев, вовлеченных в религию, была полна конспирации, осторожности и щемящего чувства восторга от приобщения к запретному плоду.

Сама был желанным гостем и в таких высокостоящих в иерархической лестнице семьях в дни вышеперечисленных праздников. Его ждали. Ему давали тут больше. Иногда даже три рубля, ну и конфеты, печенье.

Бизнес процветал. Но редкость праздников толкала предприимчивого юношу к новым видам предоставления платных услуг в обществе, голодном ко всему. Он стал приторговывать. Торговал всем. Во времена тотального дефицита выбирать ходовой товар не требовалось. Не было ничего. Нет, конечно, в магазинах висели какие-то штаны, но были они, как правило, не только одного цвета, но часто и одного размера. На продовольственных прилавках грудилась бычки в томате по тридцать две копейки за банку, которые позже тоже исчезли, сухой горох и завтрак туриста – смесь какой-то недоваренной каши и останков умерших животных. В книжных магазинах полки были заставлены знаменательными трудами столь же знаменательных писателей. Например – полные собрания сочинений революционных вождей Маркса – Энгельса – Ленина. Бесконечные тезисы и материалы партийных съездов, пленумов, конференций и заседаний политбюро. История КПСС в разных изданиях, с гордой и безграмотной припиской, видимо заведующего магазином, на приклеенном тетрадном листке: «Переведено на 140 языков всего мира». Также были представлены искушённому представителю самой читающей страны в мире, вперемежку с изысками литературного жанра – «Целина», «Малая земля» и «Возрождение», различные труды по атеизму и разведению крупного рогатого скота в районах критического земледелия. И вдобавок ещё всякая мелиорация, ирригация, индустриализация... Чего только не было? А не было только хорошей литературы. Нет, литература была. Она хранилась в столах писателей, не имея возможности быть напечатанной. Иногда прорывались шедевры, но их было мало. И поэтому нормальные книги доставали сами, кто как мог, переплачивая втрое, а то и больше. Совсем правдивые книги шли в народ самиздатом, мелким тиражом, иногда рукописно. Затёртые и промасленные копии ценились на уровне античных артефактов. Зачитывались такие фолианты до дыр и приводили иногда владельцев в заведения, нелояльно относившиеся к свободному чтению свободных граждан самой свободной страны в мире. Иногда проскакивали искры таланта в литературных журналах. Что, впрочем, не очень приветствовалось со стороны определённых структур.

Отделы нот, пластинок и остальной музыки, призванные насаждать в массах разумное, доброе, вечное, пылились пустыми прилавками, стыдливо прикрытыми пластинками хоров имени Пятницкого и Верёвки, чередуясь с ярко-цветастыми пластинками ансамблей песни и пляски Московского военного округа.

Продукция текстильной промышленности была. Да. Чего врать. Вот качество и фасонистость этой самой продукции сильно били по репутации производивших её предприятий. Пальто, штаны и ботинки очень подошли бы для снаряжения ополчения во время рытья траншей при обороне города. Все одинаково серо-коричневые и бесформенно-грубые.

Нет! Конечно, были периоды, в конце квартала – выбрасывали что-то импортное. Чешские ботинки «Цебо», болоньевые плащи или сигареты «Золотое руно». Это «что-то» расходилось моментально. В обычные дни доступ к дефициту имели определённые круги распространителей. Товар, поступавший на базу, переключивал к ним через заинтересованных торговых руководителей, появляясь на следующий день на барахолках, толкучках, подземных переходах и в общественных туалетах с тройной наценкой.

Пел он красиво и весело, улыбаясь и кланяясь одновременно.

Сама умело пользовался «имевшими место быть отдельными недочётами ведения планового хозяйства». Он был вхож в дом одного из небожителей города – директора местного торгового предприятия Марка Абрамовича. Их дружба, завязавшаяся на почве праздничных поздравлений, переросла в успешное предприятие по распространению товаров народного потребления. Марк Абрамович, будучи человеком глубоко верующим и вдобавок членом партии, не мог себе позволить заниматься спекуляцией, поэтому доверил сие недостойное советского гражданина занятие молодому товарищу – Самуилу Гурвицу. Созданный синдикат был настолько успешным, что им, естественно, заинтересовались местные органы ОБХСС. В отделе борьбы с хищениями социалистической собственности работали тоже истинные партийцы. Но загвоздка была в том, что и у них, помимо партийной совести и честности советского милиционера, были ещё жёны, дочери, тёщи... А у некоторых даже любовницы. И все они, как нетрудно догадаться, были женщинами. А женщины в любое время при любой власти любят хорошие вещи, красивые бусы и возможность утереть новым нарядом нос своей подруге. Поэтому заинтересованность сотрудников уважаемого отдела борьбы с хищениями ограничилась покровительством синдиката Гурвиц-Лифшиц с вытекающими отсюда последствиями. Последствия были вполне обычные. Все жёны, дочери, тёщи сотрудников уважаемого ведомства... и даже любовницы – выделялись из серенькой толпы советских тружениц приличными нарядами, яркой косметикой и независимостью высокомерных взглядов из-под модных шляпок и меховых беретиков.

А синдикат продолжал уверенную поступь к построению коммунизма... в отдельно взятых семьях.

Прекрасное время! Синдикату в то дефицитное время помогало всё! Особенно помогали вывески на дверях магазинов, магазинчиков, лавок, сельпо и торговых отделов. Они учтиво оповещали счастливых граждан, что «Товар не завезли», «Переучёт», «Завоз товара», «Пива нет», «Отдел «ковры» коврами временно не торгует», «Мужские костюмы ожидаются в продажу в конце года», «Женское бельё продаётся не более комплекта в одни руки», «Ушла на базу» и лаконично-циничное «Очередь не занимать». Способствовали объявления в газетах и по радио с телевидением, гласившие: «По просьбе трудящихся с первого апреля цены на товары категории роскоши увеличиваются на двести процентов». Роскошью считалось многое. В особенности молотый кофе, хрусталь, ковры, посуда, меха, мебель и автомобили... Прекрасная реклама для умных и изворотливо практичных граждан, к коим относились, несомненно, Гурвиц и Лифшиц. Лифшиц добивался поступления товаров в подчинённые ему магазины, а Сама, скупая их из-под прилавка по твёрдой розничной цене социалистического благополучия, продавал с наценкой до тысячи процентов. Роль Марка Абрамовича была сложной и опасной. Ему необходимо было добиться такого паритета, когда в магазинах ничего такого нет, у него для нужных людей всё есть и ему за это ничего не будет. Инспекция обкома партии, помимо ОБХСС, боролась с проявлениями недобросовестности сотрудников торговли. Строго спрашивала за припрятанные дефицитные товары и не выставленные на прилавок вещи. Партия заботилась о простых трудящихся гражданах, пытаясь обеспечить ассортимент товаров народного потребления на прилавках советских магазинов. Но те же руководители не потерпели бы директора торгового предприятия, у которого в заглянувшем не нашлось бы хорошей еды и хороших вещей. Товарищ Лифшиц соединял воедино невозможные вещи. Он умудрялся обеспечивать дефицитом партийную номенклатуру района, не попадаясь на припрятанном товаре и торговать налево. И всё бы было хорошо. Даже недолгое время андроповских перемен было преодолено без видимых потерь. Тогда синдикат временно перешёл с полулегального на полностью конспиративный режим работы. Причём о конспирации знали все в городе и соблюдали её неукоснительно. Жена первого секретаря партии, встречая мужа после совещания по борьбе с нетрудовыми доходами, демонстрировала ему новую шубку, закрывшись в ванной и нащёптывая на ухо своему благоверному: «Какой золотой человек этот ваш Лифшиц». На что истинный борец за чистоту нравов сурово хмурил брови и грозно шептал в ответ: «Настасья! Подведёшь меня под монастырь! Успокойся, хоть на время. Партия это временно не одобряет».

И время, когда партия одобрила всё, настало. Новое. Совсем другое и непонятное. Ветер перемен и свободного рынка захлестнул прогнившее болото теневой торговли своими нововведениями, опрокинув попутно с пьедестала и саму партию, дал толчок свободной торговле и зарождению рыночных отношений – с базарным, правда, уклоном. Всё пошло по-новому. Кому-то в масть. Но кому-то и серпом по незащищенным органам. У синдиката незащищённым органом была монополия на рынок. Остальные фарцовые в городке были так, мелочишка. Не было такого масштабного доступа к товарам, как у заведующего торговлей, и такой широкой клиентской базы, как у предприимчивого мальчика Самуила. Но тут практически в одночасье рынок наполнили челноки с китайским, польским, самодельным и прочим товаром народного употребления. Пришлось искать новые методы зарабатывания таких приятных на ощупь и знакомых по запаху денежных знаков. Все торги и управления расформировали. Должности упразднили. Хаос свободного рынка подмял под свой каток скромных теневых воротил и простых мелких фарцовщиков развитого социализма. Частник шагнул широкой поступью по прилавкам, сметая на своём ходу заскорузлость бесконкурентной торговли. Синдикат лопнул, не выдержав невзгод конкурентной борьбы. Лифшиц позвонил Гурвицу и пригласил на встречу. Встречу назначили в скромном городском сквере в тени раскидистых каштанов. Самуил подо-

шёл вовремя... но Марк Абрамович уже восседал на лавочке, улыбаясь и протягивая навстречу маленькую дамскую ручку, для приветствия.

– Рад увидеть в полном здравии в сей нелепый час разврата.

Сама пожал протянутую ладонь и сел рядом. Помолчали. Глупые голуби курлыкали под ногами, выискивая крохи, оставленные стайкой студентов, сидевших тут ранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.